
СТИВЕН
КИНГ
МРАЧНЫЕ ИСТОРИИ,
КАК ВЫ ЛЮБИТЕ
Перевод Ернара Шамбаева (2024)

"Мрачные истории, как вы любите" (2024) — это новый сборник рассказов и повестей Стивена Кинга, общепризнанного короля ужасов и мастера триллеров.

Сборник включает в себя 12 произведений, 6 из которых уже были ранее переведены и выложены в Сети в 2023 году.

В данном сборнике:

1. Дурной сон Дэнни Кофлина

2. Человек-ответ

3. Гремучие змеи

4. Два талантливых засранца

5. Чудик Вилли

6. Зловещие грёзы

Детектив, ужасы, фантастика, мистика, чёрный юмор – талант Кинга многогранен!

Перевод и примечания сделаны Ернаром Шамбаевым, телеграм-канал: https://t.me/king_holly

В конце этого сборника вас ожидает приятный бонус — свежее интервью с Мастером Кингом.

А теперь - откиньтесь на спинку кресла и наслаждайтесь.

Вас ожидает увлекательное, незабываемое путешествие!

В путь, друзья!

Гремучие змеи

Июль – август 2020 года

Я не удивился, когда увидел пожилую женщину, толкающую пустую двухместную коляску; меня уже предупредили. Это было на Раттлснейк-роуд, которая тянется на четыре мили вдоль острова Раттлснейк-Ки[97] на побережье Мексиканского залива во Флориде. Дома и кондоминиумы на юге, несколько особняков на севере.

В полумиле от особняка Грега Акермана, где я остановился тем летом, болтаясь, как единственная горошина в огромной банке, есть слепой поворот. Заросли травы высотой превосходили меня, а ростом я шесть футов и четыре дюйма[98]; они обрамляли дорогу, казалось, сужая её еще больше. По обе стороны от поворота стояли флуоресцентные зеленые пластиковые фигуры детей, каждая из которых несла предупреждение: "ОСТОРОЖНО, ДЕТИ!". Я шел пешком, и в это раскалённое июльское утро в свои семьдесят два года я шел довольно медленно. Мой план заключался в том, чтобы дойти до распашных ворот, разделяющих частную часть дороги от той, что обслуживается округом, а затем вернуться к дому Грега. Уже тогда я задумался, не переоценил ли свои силы.

---

[97] Раттлснейк-Ки — вымышленный остров, упоминается также в рассказе С.Кинга "Лори"

[98] примерно 193 см

Я не был до конца уверен, что Грег не разыгрывал меня насчет миссис Белл, но вот появилась она, катящая свою огромную коляску навстречу мне. Одно из колес поскрипывало, и его не помешало бы смазать. Миссис Белл была одета в мешковатые шорты, сандалии с носками до колен и большую синюю шляпу от солнца. Она остановилась, и я вспомнил, как Грег спросил меня, не станет ли её проблема — так он это назвал — моей проблемой. Я ответил, что нет, но теперь меня одолели сомнения.

— Здравствуйте. Вы, должно быть, миссис Белл. Меня зовут Вик Трентон. Я на некоторое время остановился у Грега.

— Друг Грега? Как мило! Давно дружите?

— Мы вместе работали в одном бостонском рекламном агентстве. Я был копирайтером, а он...

— Был графическим дизайнером, знаю. До того, как он разбогател. — Она подвинула коляску поближе, но не слишком близко ко мне. — Любой друг Грега, и так далее, и тому подобное. Приятно познакомиться. Поскольку мы будем соседями, пожалуйста, зовите меня Алитой. Или Элли, если хотите. Как у вас со здоровьем? Нет признаков этого нового гриппа?

— У меня все в порядке. Ни кашля, ни температуры. У вас, наверное, тоже.

— Да, всё в порядке. И это хорошо для человека моего возраста с присущими старикам болячками. Одна из немногих приятных вещей пребывания здесь летом — это то, что большинство людей разъезжается. Сегодня утром я увидела по новостям доктора Фаучи[99], который сказал, что каждый день может быть по сто тысяч новых заболевших. Представляете?

Я ответил ей, что тоже видел интервью с ним.

— Вы приехали сюда, чтобы сбежать от всего этого?

— Нет. Мне нужно было немного отдохнуть, мне предложили это место, так что я воспользовался возможностью.

Это была далеко не вся история.

— Вы немного чудной, если отдыхаете в этом месте летом, мистер Трентон.

"Судя по словам Грега, чудная здесь вы", — подумал я. — "И, судя по коляске, которую вы катите, он не ошибался".

— Вик, пожалуйста, — сказал я. — Раз уж мы соседи.

— Хотите поздороваться с близнецами? — Она указала на коляску. На одном сиденье лежали голубые шорты, на другом — зеленые. На спинки сидений были накинуты футболки с надписями. На одной было написано "КРУТОЙ", на другой — "ЕЩЕ КРУЧЕ". — Это Джейкоб, — указала она на голубые шорты, — а это Джозеф. — Она коснулась футболки с надписью "ЕЩЕ КРУЧЕ". Это было быстрое прикосновение, но нежное и полное любви. Её взгляд был спокойным, но настороженным, ожидающим моей реакции.

---

[99] Энтони Фаучи — американский учёный-медик, иммунолог и инфекционист

Она свихнулась? Несомненно, но я не испытывал от этого особого дискомфорта. На то было две причины. Во-первых, Грег предупредил меня, сказав, что в остальном миссис Белл вполне вменяема и не теряет связи с реальностью. Во-вторых, когда всю жизнь работаешь в рекламном бизнесе, то встречаешь много не вполне здоровых людей. И если они не являлись таковыми, когда связывались с этим бизнесом, то рано или поздно становились ими.

"Просто будь вежлив", — посоветовал мне Грег. — "Она безобидна и печет лучшее в мире овсяное печенье с изюмом". Я не был уверен насчет лучшего в мире печенья — рекламщики склонны к преувеличениям, даже те, кто оставил работу, — но я был вполне готов быть вежливым.

— Здравствуйте, мальчики, — произнёс я. — Очень приятно познакомиться.

Джейкоб и Джозеф, которых здесь не было, ничего не ответили. А еще их не беспокоила жара, и им никогда не придется волноваться о ковиде или раке кожи.

— Им только что исполнилось четыре, — сказала Элли Белл. Хорошая шутка от женщины, которой на вид было около шестидесяти. — На самом деле они уже могут ходить, но эти лентяи предпочитают кататься. Я одеваю их в шорты разных цветов, потому что иногда даже я путаю, кто из них кто. — Она рассмеялась. — Не буду мешать вам с вашей прогулкой, мистер Трентон...

— Вик. Пожалуйста.

— Хорошо, Вик. К десяти часам будет девяносто[100] в тени, а влажность — еще хуже. Попрощайтесь, мальчики.

Видимо, они так и сделали. Я пожелал им хорошего дня и сказал Элли Белл, что был рад с ней познакомиться.

— Я тоже, — сказала она. — И близнецы считают вас хорошим человеком. Не так ли, мальчики?

— Вы правы, я такой, — заверил я пустые сиденья двухместной коляски.

Лицо Элли Белл просияло. Если это был тест, то, кажется, я его прошел.

— Вы любите печенье, Вик?

— Люблю. Грег сказал, что овсяное печенье с изюмом — ваш конёк.

— Фирменное блюдо, да, да, — произнесла она по-французски и звонко рассмеялась. В этом смехе было что-то слегка тревожное, что-то настораживающее. Наверное, дело было в самой ситуации. Не каждый день вас знакомят с давно умершими близнецами. — Я принесу вам в ближайшее время, если вы не против.

— Абсолютно не против.

— Но вечером. Когда жара немного спадёт. В середине дня мне становится тяжело дышать, хотя Джейка и Джо это не беспокоит. И я всегда беру с собой палку.

---

[100] около 32 градусов по Цельсию

— Палку?

— От змей, — ответила она. — Пока-пока, было очень приятно познакомиться. — Она покатила коляску мимо меня, затем обернулась. — Хотя сейчас не лучшее время наслаждаться побережьем Мексиканского залива. Вот октябрь и ноябрь — самое время для этого.

— Учту, — сказал я.

* * *

Поначалу я думал, что Раттлснейк-Ки был назван так из-за своей формы, которая с воздуха напоминает извивающуюся змею, но Грег сказал мне, что вплоть до начала восьмидесятых здесь было полным-полно гремучих змей, настоящая прорва. Именно тогда строительный бум охватил острова к югу от Сиесты и Кейси. До этого времени нижние острова были предоставлены сами себе.

— Змеи стали результатом своего рода экологического сбоя, — рассказывал мне Грег. — Думаю, вначале некоторые из них могли переплыть с материка... а змеи умеют плавать?

— Умеют, — ответил я.

— А может, они перебрались сюда в трюме грузового судна или еще как-нибудь. Черт, возможно, даже в трюме яхты какого-нибудь богатея. Они размножались в подлеске, где птицам было трудно добраться до их детенышей. Гремучие змеи не откладывают яйца. Мамаши рожают по восемь-десять детенышей за раз, а это немало сапог из змеиной кожи, скажу я тебе. Эти твари были повсюду. Сотни, а может, и тысячи. Их вытеснили на север, когда южная часть острова начала застраиваться. А потом, когда сюда приехали богатые люди...

— Типа тебя, — заметил я.

— Ну, да, — сказал он с должной скромностью. — Фондовый рынок был добр ко мне, особенно "Эпл".

— И "Тесла".

— Верно. Я давал тебе наводку, но ты, будучи осторожным представителем Новой Англии...

— Прекрати, — сказал я.

— А потом, когда сюда приехали богатые люди и начали строить свои особняки...

— Типа твоего, — сказал я.

— Прошу тебя, Вик. В отличие от некоторых ужасных зданий из штукатурки и цемента в этой части Флориды, мой дом имеет архитектурную привлекательность.

— Как скажешь.

— Когда богатеи начали застройку, подрядчики находили змей повсюду. Они кишмя кишели. Строители убивали их на участках, на которых работали (со стороны залива и со стороны бухты), но организованной охоты на змей не было до происшествия с близнецами Белл. Даже тогда округ не хотел ничего предпринимать, утверждая, что северная часть Раттлснейк-Ки

является частной собственностью и застроена, поэтому подрядчики собрали отряд и устроили охоту на змей. Я тогда еще работал в "МассАдс" и торговал акциями на стороне, так что меня там не было, но слышал, что сотня мужчин и женщин — не меньше сотни — в перчатках и высоких сапогах начали охоту там, где сейчас находятся распашные ворота, и двигались на север, продираясь сквозь кусты и убивая каждую найденную змею. В основном гремучих, но были и другие — черные змеи, травяные змеи, пара медянок и, во что трудно поверить, но это правда, даже сраный питон.

— Они убивали и неядовитых змей, и тех, что кусаются?

— Всех убивали, — ответил Грег. — С тех пор на острове не так много змей.

* * *

Он позвонил мне той ночью. Я сидел у его бассейна, потягивая джин-тоник, и смотрел на звезды. Он хотел узнать, понравился ли мне дом. Я ответил, что мне всё нравится, и еще раз поблагодарил его за то, что он разрешил мне остаться здесь.

— Хотя сейчас не самое лучшее время наслаждаться Ки, — сказал он. — Особенно когда большинство туристических достопримечательностей закрыто из-за ковида. Самое лучшее время...

— Октябрь и ноябрь. Миссис Белл поведала мне. Элли.

— Ты с ней познакомился.

— Да. С ней и близнецами. Джейкобом и Джозефом. По крайней мере, я познакомился с их шортами и рубашками.

Наступила пауза. Затем Грег сказал:

— Всё нормально? Я думал о Донне[101], когда предлагал тебе это место. Я не думал о том, что это заставит тебя вспомнить...

Я не хотел поднимать эту тему даже спустя столько лет.

— Всё в порядке. Ты был прав. В остальном Элли Белл показалась мне очень милой женщиной. Предложила мне печенье.

— Оно тебе понравится.

Я вспомнил маленькие круглые красные пятна на её щеках.

— Она заверила меня, что у неё нет ковида, который она назвала новым гриппом, и она не кашляла, но выглядела не совсем здоровой. — Я вспомнил пустую двухместную коляску с рубашками и шортами. — Физически, я имею в виду. Она сказала про какие-то болячки.

— Ну, ей за семьдесят...

— Так много? Я думал, ей за шестьдесят.

---

[101] Донна — жена Вика Трентона, убившая сенбернара Куджо

— Она и её муж были среди первых, кто построил дом в северной части, и это было еще при президенте Картере[102]. Я лишь хочу сказать, что когда человеку за семьдесят, его оборудование снимается с гарантии.

— Я больше никого не видел, но я здесь всего три дня. Еще даже не всё распаковал.

Хотя я не так уж много привез. В основном дочитывал книги, как и обещал себе, когда выйду на пенсию. Когда я смотрел телевизор, то выключал звук на рекламе. Я был бы счастлив никогда больше не видеть её в своей жизни.

— Дружище, сейчас лето. Лето ковида, к тому же. Как только ты проходишь через распашные ворота, остаешься только ты и Алита. И... — он замолчал.

— И близнецы, — закончил я за него. — Джейк и Джо.

— Ты уверен, что тебя это не напрягает? Я имею в виду, учитывая то, что случилось с...

— Не напрягает. С детьми иногда случается плохое. Это случилось со мной и Донной, и это случилось с Элли Белл. Наш сын умер давно. Тэд. Я оставил это в прошлом. — Ложь. Некоторые вещи невозможно оставить в прошлом. — Но у меня есть вопрос.

— А у меня есть ответ.

Я рассмеялся. Грег Акерман стареет и богатеет, но остается таким же остряком. Когда мы работали с "Брайт компани" по продаже безалкогольных напитков, он как-то пришел на встречу с бутылкой "Брайт-колы" с длинным горлышком, торчащей из его расстегнутой ширинки.

— Она знает?

— Не уверен, что понимаю тебя.

Я был уверен, что понимает.

— Она знает, что коляска пуста? Она знает, что её маленькие мальчики умерли тридцать лет назад?

— Сорок, — сказал он. — Может, чуть больше. И да, она знает.

— Ты уверен или почти уверен?

— Уверен, — сказал он, затем сделал паузу. — Почти. — Это было в стиле Грега. Всегда оставляй себе лазейку.

* * *

Я смотрел на звезды и допивал свой джин-тоник. Над заливом гремел и рокотал гром, и сверкали вспышки молний, но мне подумалось, что скоро всё утихнет.

---

[102] Джимми Картер — 39-й президент США, годы президентства 1977—1981

Я закончил распаковывать второй чемодан, что следовало сделать ещё два дня назад. Когда это было закончено (на всё ушло пять минут), я отправился спать. Было 10 июля. Только в Соединенных Штатах число случаев заболевания ковидом перевалило за три миллиона. Грег сказал мне, что я могу оставаться в его доме до самого сентября, если захочу. Я ответил ему, что шести недель будет достаточно, чтобы привести себя в порядок, но теперь подумал, что мог бы остаться и дольше. Переждать эту страшную эпидемию.

Тишина, нарушаемая лишь сонным шумом волн, бьющихся о пляж Грега, была восхитительной. Я мог бы вставать с первыми лучами солнца и совершать прогулки раньше, чем сегодня... и, возможно, не встречать при этом Элли Белл. Она была достаточно приятной, и, наверное, Грег был прав — по крайней мере, три из четырёх её колес еще были на ходу, но эта двухместная коляска с разноцветными шортами на сиденьях... это было жутковато.

— Крутой и ещё круче, — пробормотал я. Раздвижная дверь в спальне была открыта, и легкий порыв ветерка приподнял тонкие белые занавески, превращая их в подобие рук.

Я понял озабоченность Грега насчёт призрачных близнецов, поскольку это касалось меня. По крайней мере, теперь понял. Моё понимание пришло поздно, но разве не лучше поздно, чем никогда, как гласит мудрость? Когда он впервые рассказал мне о странностях Элиты Белл, я, конечно, не уловил связи со своей жизнью. Это было связано с моим сыном, который тоже умер, причем примерно в том же возрасте, что Джейкоб и Джозеф. Но не Тэд был причиной, по которой я почувствовал, что мне нужно уехать из Новой Англии хотя бы на время. То горе было давним. В этом нелепо огромном доме в эти жаркие летние дни мне нужно было справиться с новым горем.

* * *

Мне снилась Донна, как это часто бывало. В этом сне мы сидели на диване в нашей старой гостиной, держась за руки. Мы были молоды. Мы молчали. Вот и всё, вот и весь сон, но я проснулся в слезах. Ветер усилился, тёплый ветер, но из-за него шторы ещё больше напоминали протянутые руки. Я встал, чтобы закрыть раздвижную дверь, а вместо этого вышел на балкон. Днём из спален можно было видеть всю панораму залива (Грег сказал, что я могу пользоваться главной спальней, что я и сделал), но ранним утром была только тьма. Только редкие вспышки молний, которые теперь были ближе. И гром был громче, угроза шторма стала реальной.

Я стоял у перил над выложенным камнем патио и бассейном, и моя футболка и трусы-боксеры развевались на ветру. Я мог бы сказать себе, что это гром разбудил меня или усиливающийся ветер, но, конечно же, меня разбудил сон. Мы вдвоём на диване держимся за руки, не в силах говорить о том, что произошло между нами. Горе было слишком большим, слишком постоянным, слишком ощутимым.

Нашего сына убили не гремучие змеи. Он умер от обезвоживания в раскалённой машине. Я никогда не винил в этом свою жену; она едва не умерла вместе с ним. Даже не винил собаку, сенбернара по кличке Куджо, который три дня кружил и кружил вокруг нашего мёртвого "Форда Пинто" под палящим летним солнцем.

У Лемони Сникета[103] есть книга "33 несчастья", и она идеально описывает то, что случилось с моей женой и моим сыном. Дом, возле которого сдохла наша машина — из-за засорившегося клапана, который механик починил бы за пять минут, — находился далеко за городом. Собака была бешеной. Если у Тэда и был ангел-хранитель, то в том июле он ушел в отпуск.

Всё это случилось давным-давно. Десятилетия назад.

Я вернулся внутрь, закрыл раздвижную дверь и на всякий случай запер её. Лёг обратно и почти уснул, когда услышал слабый скрип. Я резко сел и прислушался.

Иногда в голову приходят бредовые идеи, которые кажутся нелепыми при свете дня, но вполне правдоподобными в ранние утренние часы. Я не мог вспомнить, запер ли я дом, и легко представил, что Элли, которая оказалась гораздо безумнее, чем думал Грег, находится внизу. Представил, что она толкает двухместную коляску со скрипящим колесом через большую комнату на кухню, где оставляет контейнер с овсяным печеньем с изюмом. Толкает её и верит, что её сыновья-близнецы, покойники уже сорок лет, сидят на сиденьях коляски.

Скрип. Пауза. Скрип. Пауза.

Да, я мог видеть её. Я даже мог видеть Джейка и Джо... потому что она их видела. Только потому, что я не был ею, я увидел, что они были мертвы. Бледная кожа. Остекленевшие глаза. Распухшие ноги и лодыжки, потому что именно там их покусали змеи.

Это было нелепо, по-идиотски. Даже тогда, сидя в постели с простыней на коленях, я понимал это. И всё же:

Скрип. Пауза. Скрип.

Я включил прикроватную лампу и пересёк комнату, говоря себе, что мне не страшно. Включил верхний свет в комнате, затем протянул руку через дверной проем в коридор и включил трековые светильники в галерее, также говоря себе, что никто не схватит мою шарящую руку и я не закричу, если кто-то это сделает.

Я прошёл половину галереи и выглянул через перила. В большом зале, конечно, никого не было, но я услышал первые капли дождя, стучащие по окнам. И кое-что ещё.

Скрип. Пауза. Скрип. Пауза.

Я забыл выключить потолочный вентилятор. Это он скрипел. Днём я его даже не слышал. Выключатель был у лестницы. Я щёлкнул им. Вентилятор замедлился и остановился, издав при этом последний скрип. Я вернулся в постель, но оставил включённой настольную лампу, повернув её на минимальную яркость. Если мне и снился другой сон, то утром я его не помнил.

* * *

Вероятно, из-за ночного испуга я проснулся поздно и пропустил утреннюю прогулку, но в следующие три дня я вставал рано, когда воздух был свеж, а птиц не было слышно. Я прогуливался до распашных ворот и обратно, повстречав на своем пути множество кроликов, но ни одного человека. Я проходил мимо почтового ящика Беллов, стоявшего в начале

[103] Лемони Сникет — псевдоним американского писателя Дэниела Хэндлера

подъездной дорожки, окруженной рододендронами, но не мог разглядеть дом, который стоял на стороне залива и был заслонен деревьями и ещё большим количеством рододендронов[104].

В будние дни, когда я ходил в магазин за продуктами, я слышал шум воздуходувок и видел пару грузовиков, припаркованных на подъездной дорожке Элли, но, по-моему, в остальное время она была одна. Как и я. К тому же мы оба были одинокими людьми, пережившими свои половинки. Из этого могла бы получиться неплохая романтическая комедия (если бы кто-то снимал романтические комедии о пожилых людях, а "Золотые девочки" — это исключение, которое подтверждает правило), но мысль о том, чтобы подкатить к ней, совершенно не привлекала меня. Скорее, даже отталкивала. И чем бы мы занимались? Вдвоем катали бы невидимых близнецов в коляске? Притворялись бы, что кормим их спагетти?

У Грега был смотритель, но он попросил меня поливать цветы в больших горшках, стоящих по бокам дверей со стороны подъездной дорожки и у бассейна. Как-то одним сумеречным вечером, дней через десять или двенадцать после переезда, я поливал цветы. Я услышал скрип колеса и выключил шланг. Элли катила коляску по дорожке. На ней было что-то вроде плечевой перевязи, в которой держалась стальная палка с U-образным крючком на конце. Она спросила, как у меня дела. Я ответил, что хорошо.

— У меня тоже. Я принесла печенье.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я, хотя не возражал бы, если бы она забыла про свое обещание. Сегодня на одном сиденье коляски были разложены красные шорты, а на другом — белые. Футболки снова были накинуты на спинки. На одной было написано "ДО СКОРОГО, АЛЛИГАТОР", на другой — "НЕ ТАК СКОРО, КРОКОДИЛ". Если бы в этих футболках были настоящие дети, это выглядело бы мило. А так... нет.

Тем не менее, она была моей соседкой и достаточно безобидной. Поэтому я сказал:

— Привет, Джейк. Привет, Джо, что нового?

Элли залилась смехом.

— Вы очень милы. — Затем, глядя прямо мне в глаза, произнесла. — Я знаю, что их там нет.

Я не нашелся с ответом. Элли, казалось, это не волновало.

— Но иногда они там.

Я вспомнил, как однажды Донна сказала нечто подобное. Это было через несколько месяцев после смерти Тэда и незадолго до нашего развода. "Иногда я вижу его", — сказала она, и когда я заметил, что это глупо — к тому времени мы уже оправились достаточно, чтобы высказывать друг другу претензии и говорить гадости, — она ответила: "Нет. Это необходимо".

На одной стороне перевязи Элли был чехол. Она залезла в него и достала пакет с печеньем. Я взял его и поблагодарил её.

---

[104] Рододендрон или "розовое дерево" — обширный род семейства вересковых, включающий в себя почти 1300 видов

— Заходите и поешьте со мной. — Я сделал паузу, а затем добавил. — И мальчиков, конечно, с собой возьмите.

— Конечно, — сказала она, как бы спрашивая: "А как иначе?"

В гараже была лестница, ведущая на второй этаж. Элли остановила коляску у её подножия и сказала:

— Вылезайте, мальчики, быстренько наверх, нас пригласили. — Её глаза неотрывно следили за их движением. Затем она положила перевязь на одно из сидений.

Она увидела, что я смотрю на палку от змей, и улыбнулась.

— Возьмите ее, если хотите. Вы удивитесь, какая она лёгкая.

Я вытащил её и взвесил в руке. Она весила не больше трёх фунтов[105].

— Стальная, но полая. На конце крючка есть острие, чтобы их тыкать, но они слишком быстры для меня. — Она протянула руку, и я вернул ей палку. — Обычно их можно просто прогнать, но если они всё ещё не уходят... — Она опустила палку, затем быстро подняла её. — Можно бросить их в кусты. Но делать это нужно быстро.

Я хотел спросить, пользовалась ли она ей когда-нибудь на самом деле, но потом решил, что уже знаю ответ. Если есть невидимые мальчики, значит, есть и невидимые змеи. Что и требовалось доказать. Я ограничился тем, что сказал, что палка очень полезна.

— Очень нужна, — сказала она.

На середине лестницы Элли остановилась, похлопала себя по груди и сделала несколько глубоких вдохов. На её щеках снова появились ярко-красные пятна.

— Всё в порядке?

— Сердечко немного шалит. Ничего серьёзного, у меня есть таблетки. Наверное, мне стоит принять пару. Не могли бы вы дать мне стакан воды?

— А как насчёт молока? Ничто не сочетается с печеньем лучше.

— Молоко с печеньем — это просто объедение.

Мы поднялись по лестнице. Она села за кухонный стол с негромким кряхтением. Я налил два маленьких стакана молока и положил на тарелку полдюжины овсяного печенья с изюмом. Я думал, что три будет для неё, три для меня, но в итоге съел четыре. Они действительно оказались очень вкусными.

В какой-то момент она встала и крикнула:

— Мальчики, не шалите и не устраивайте тут бардак! Ведите себя прилично!

— Уверен, что так и будет. Вам стало лучше?

---

[105] чуть более килограмма

— Я в порядке, спасибо.

— У вас немного... — я постучал по своей верхней губе.

— Молочные усики? — Она хихикнула. Это было очаровательно.

Когда я протягивал ей салфетку из держателя на вращающейся подставке, то заметил, что она смотрит на мою руку.

— Ваша жена не с вами, Вик?

Я коснулся своего кольца.

— Нет. Она умерла.

Её глаза расширились.

— О! Мне так жаль. Это произошло недавно?

— Совсем недавно. Хотите ещё печенье?

Может, эта дама и была не в себе из-за своих детей, но ей было не чуждо чувство такта.

— Хорошо, только не говорите моему врачу.

Мы немного поболтали. Болтали мы не о гремучих змеях, невидимых детях или умерших жёнах. Она говорила о коронавирусе. Говорила о политиках Флориды, которые, по её мнению, вредили окружающей среде. Она сказала, что ламантины умирают из-за стоков удобрений в воду, и посоветовала мне посетить Морской аквариум Мот на Сити-Айленд в Сарасоте, "если они еще открыты".

Я предложил ей ещё немного молока. Она улыбнулась, покачала головой, поднялась на ноги, пошатнулась немного, затем выровнялась.

— Нам пора домой, мальчикам уже надо спать. Джейк! Джо! Давайте, ребята! — Она сделала паузу. — Вот они. Чем занимались? — Затем, обращаясь ко мне, сказала. — Они были в той комнате в конце коридора. Надеюсь, они там ничего не раскидали.

Комната в конце коридора была кабинетом Грега, где я читал по вечерам.

— Уверен, что нет.

— Этим бесятам только дай волю — всё разнесут. Возможно, я дам им катить коляску. Я так устаю в эти дни. Хотите, мальчики?

Я проводил её до гаража, готовый схватить за руку, если она пошатнётся, но молоко и печенье, похоже, взбодрили её.

— Я только начну, — сказала она близнецам и развернула коляску. — Мы ведь не хотим врезаться в машину мистера Трентона?

— Врезайтесь сколько захотите, — сказал я. — Эта машина взята напрокат.

Она снова захихикала.

— Идёмте, детишки. Мы почитаем сказки на ночь.

Она выкатила коляску из гаража. Появились первые звёзды, и становилось прохладнее. Июльские дни на побережье Мексиканского залива суровы, я это уже выяснил, но вечера бывают мягкими. Перелетные птицы многое теряют.

Я прошёл с ней до почтового ящика.

— Вы только посмотрите на них, они уже убежали вперёд. — Она повысила голос. — Не слишком далеко, мальчики! И остерегайтесь змей!

— Похоже, вам придётся самой катить коляску, — сказал я.

— Похоже на то. — Она улыбнулась, но мне показалось, что её глаза были грустными. А может, дело было в свете. — Вы, наверное, думаете, что я совсем сумасшедшая.

— Нет, — заверил я. — У всех нас свои способы справляться с проблемами. Моя жена...

— Что?

— Неважно. — Я не собирался рассказывать ей, что моя жена говорила в последние тяжёлые месяцы нашего брака (нашего первого брака): "Иногда я вижу его". Я не хотел открывать этот ящик Пандоры. Я смотрел, как она уходит, и когда она исчезла в сумраке, переходящем в полную темноту, я услышал скрип колеса и подумал, что надо было его смазать. Это заняло бы всего минуту.

* * *

Я вернулся в дом, закрыл его и ополоснул тарелки. Затем взял книгу, которую читал, один из романов Джо Пикетта, и пошел в кабинет Грега. Меня совсем не интересовало рабочее место Грега, я даже не включал его настольный компьютер, но у него было чертовски удобное кресло с торшером рядом. Идеальное место, чтобы перед сном пару часиков почитать хороший роман.

В своё время в доме Грега жил кот по кличке Баттонс, теперь, предположительно, обитающий в Ист-Хэмптоне вместе с Грегом и его нынешней подругой (которая, без сомнения, была моложе Грега минимум лет на двадцать, а то и на все тридцать). У Баттонса была маленькая плетеная корзина с игрушками. Сейчас она лежала на боку с открытой крышкой. Пара мячиков, изрядно обгрызенная мышь из кошачьей мяты и разноцветная резиновая рыбка валялись на полу. Я долго смотрел на эти игрушки, убеждая себя, что, должно быть, сам опрокинул корзину раньше днем и просто не заметил. Ведь кто еще это мог бы быть? Я сложил игрушки обратно и закрыл крышку.

* * *

Смотрителя дома Грега звали мистер Ито. Он приходил дважды в неделю. На нем всегда были коричневая рубашка, коричневые шорты до колен с острыми складками, коричневые носки и коричневые холщовые туфли. На его голове неизменно красовался коричневый пробковый шлем, плотно насаженный на его огромные уши. Его осанка была идеальной, а возраст... ну,

определить было очень трудно. Он напомнил мне садиста-полковника Сайто из фильма "Мост через реку Квай"[106], и я все время ожидал, что он передаст своему не слишком энергичному сыну девиз полковника Сайто: "Будь счастлив в своей работе".

Вот только мистер Ито — его звали Питер — был отнюдь не садистом. Он был уроженцем Флориды, родился в Тампе, вырос в Порт-Шарлотте и жил в Палм-Виллидж, по другую сторону моста. Грег был его единственным клиентом на Раттлснейк-Ки, но у него было много домов на Парди, Сиесте и Бока-Чита. На бортах его фургонов (он водил один, а его апатичный сын — другой) было написано: AH SO GREEN[107]. Полагаю, если бы его звали Максуини, это расценивалось бы как расизм.

Близился август, и однажды я увидел, как он отдыхает, стоя в тени, и пьет из своей фляги (да, у него была такая). Он наблюдал за тем, как его сын кружит по теннисному корту Грега на газонокосилке. Я вышел на террасу и встал рядом с ним.

— Просто перерыв, мистер Трентон, — сказал он, надевая маску. — Вернусь через минуту. Я уже не так хорошо переношу жару, как раньше.

— Доживите до моих лет, — сказал я. — Знаете, меня кое-что интересует. Вы помните близнецов Белл? Джейка и Джо?

— О Боже, да. Как такое забудешь? Это случилось, кажется, в 1982 или 1983 году. Кошмар просто. Когда это произошло, я был так же молод, как этот идиот. — Он указал на своего сына Эдди, который уставился в свой телефон, пока косил теннисный корт. Я вот-вот ожидал, что он в любой момент покатит поперек. Это было бы катастрофой.

— Я познакомился с Элли, и... ну...

Он кивнул.

— Женщина в печали. В большой печали. Всегда прогуливается с коляской. Не знаю, верит ли она на самом деле, что в ней детки, или нет.

— Может быть, и то, и другое, — сказал я.

— Иногда да, иногда нет?

Я пожал плечами.

— То, что с ними произошло — это пиздец как несправедливо, уж прошу прощения за мой французский. Она была молода, когда это случилось. Сколько ей тогда было, тридцать? Около того или чуть больше. Её муж был намного старше. Его звали Генри.

— Правда, что детей покусали змеи?

Он стянул маску, отпил из фляги и вернул маску на место. Свою я оставил в доме.

---

[106] "Мост через реку Квай" — британско-американский художественный фильм режиссёра Дэвида Лина, снятый в 1957 году

[107] ah so — издёвка над японцами

— Да, это были змеи. Гремучки. Было проведено расследование, и вердикт — смерть от несчастного случая. В те времена газеты были более сдержанны, и не было социальных сетей... хотя люди болтали, а это своего рода социальные сети, не так ли?

Я согласился.

— Мистер Белл был в своем кабинете наверху, звонил кому-то. Он был большой шишкой в инвестиционном бизнесе. Как ваш друг мистер Акерман. Миссис принимала душ. Мальчики играли на заднем дворе, где были высокие ворота, которые, как предполагалось, были заперты. Но на самом деле они не были заперты, только казались таковыми. Окружной детектив, который вел расследование, сказал, что защелка ворот перекрашивалась из-за ржавчины несколько раз, поэтому не защелкивалась должным образом, и мальчишки выбрались наружу. Она возила их в коляске — не знаю, та ли это коляска, что у нее сейчас, или другая, — но они прекрасно ходили и, должно быть, решили пойти на пляж.

— Они пошли не по набережной?

Мистер Ито покачал головой.

— Нет. Я не знаю почему. Никто не знает. Поисковая группа определила, где они прошли: там были сломанные ветки, а на одной из них висел маленький кусочек рубашки.

"ДО СКОРОГО, АЛЛИГАТОР", — подумал я.

— От Раттлснейк-роуд до пляжа около четырехсот ярдов[108], вся эта территория заросла подлеском. Они прошли примерно половину пути. Один из них был уже мертв, когда их нашли поисковики. Другой умер до того, как его успели отнести обратно к дороге. Мой дядя Девин был в поисковой группе и сказал, что каждого из этих малышей укусили более ста раз. Я не верю в это, но, думаю, укусов было много. Большинство укусов — проколов — было на ногах, но еще больше — на их шеях и лицах.

— Потому что они упали?

— Да. Как только яд начал действовать, они должны были упасть. Когда поисковая группа нашла мальчиков, там оставалась только одна гремучая змея. Один из мужчин убил ее палкой от змей. Это такая штука с крюком...

— Я знаю. Элли носит такую, когда гуляет ближе к сумеркам.

Мистер Ито кивнул.

— Сейчас змей здесь мало. И уж точно нет гремучих. Через два дня после происшествия на змей устроили охоту. Много людей, целый отряд. Некоторые из них были строительными подрядчиками со своими бригадами, остальные — из Палм-Виллидж. Дядя Девин тоже участвовал там. Они пошли на север, продираясь сквозь кусты. По дороге, как я слышал, убили более двухсот гремучек, не говоря уже о всяких других гадах. Закончили свою охоту на участке суши между Дейлайт-Пасс и Дьюма-Ки[109]... по крайней мере, там, где раньше была Дьюма,

[108] 365 метров
[109] "Дьюма-Ки" — роман Стивена Кинга, действие которого происходит на вымышленном острове Дьюма-Ки, который в финале книги был разрушен тропическим штормом

сейчас она под водой. Часть змей уплыли и, вероятно, утонули. Остальных убили прямо на месте. Дядя Девин говорил, что прикончили четыре или пять сотен, что звучит, как хрень собачья, прошу прощения за мой французский. Но, думаю, их было много. Генри Белл был в составе этой группы, но до конца он недотянул. Упал в обморок от жары и волнения. И от горя, наверное. Миссис Белл не видела мальчиков на месте их гибели, только после того, как их, ну, привели в порядок в похоронном бюро, но их отец был в поисковой группе, которая их нашла. Его отвезли в больницу. Он умер от сердечного приступа вскоре после этого. Наверное, так и не оправился. Да и кто бы смог?

Я понимал его. С некоторыми вещами смириться невозможно.

— Как они убили всех этих змей? — Я бывал на краю острова Раттлснейк-Ки, на маленьком треугольнике ракушечного пляжа между проходом и той небольшой короной зелени, которая осталась от Дьюма-Ки, и просто не мог представить себе такое скопление змей там.

Прежде чем он успел ответить, раздался грохот. Эдди Ито всё-таки испортил теннисный корт.

— Ой-ой-ой! — закричал мистер Ито и побежал к нему, размахивая руками.

Ошеломленный Эдди оторвал глаза от телефона и вырулил газонокосилку обратно на лужайку, прежде чем она успела нанести серьезный ущерб покрытию корта, хотя грязи и комьев земли было предостаточно. Конец истории я так и не услышал.

* * *

Мы с Донной похоронили нашего сына на кладбище Хармони-Хилл[110], но это была лишь малая часть беды. Мы поняли это в последующие месяцы. Он по-прежнему был рядом, между нами. Мы пытались вернуться друг к другу, но не смогли. Донна замкнулась в себе, страдала от посттравматического стрессового расстройства, принимала таблетки и слишком много пила. Я не мог винить её за то, что она застряла на ферме Кэмбера, поэтому обвинил её в романе с неудачником по имени Стив Кемп. Он был коротким и бессмысленным и не имел никакого отношения к этому проклятому забитому клапану, но чем больше я ковырял эту болячку, тем сильнее она воспалялась.

Однажды она сказала: "Ты винишь меня, потому что не можешь обвинить Вселенную".

Возможно, это было правдой, но это не помогло. Развод был по взаимному согласию и не вызывал особых споров. Я мог бы сказать, что он был полюбовным, но это было не так. К тому времени мы оба были слишком эмоционально истощены, чтобы злиться друг на друга.

* * *

Той ночью, после того как я выслушал версию мистера Ито о смерти близнецов — вряд ли надежную, но, возможно, близкую к правде, — я долго не мог уснуть. А когда всё-таки заснул, сон был неглубоким. Мне приснилось, что двухместная коляска медленно катится по подъездной дорожке от дороги. Сначала мне показалось, что она катится сама по себе, как коляска-призрак, но когда включилось охранное освещение, я увидел, что ее толкают близнецы. Они выглядели совершенно одинаково, и я подумал: "Неудивительно, что она

[110] Кладбище Хармони-Хилл упоминается также в романе Стивена Кинга "Жребий Салема"

одевает их в разные шорты и футболки". Под копной светлых волос их лица были какими-то неправильными. Или, быть может, дело было не в лицах, а в их опухших шеях. Как будто близнецы болели свинкой. Или ковидом. Когда они подошли ближе, я заметил, что их руки тоже распухли и покрыты красными точками, словно хлопьями красного перца.

Скрип, пауза. Скрип, пауза. Скрип, пауза.

Они подошли еще ближе, и я увидел, что в каждом из сидений лежит гремучая змея, извивающаяся и сворачивающаяся кольцами. Видимо, они принесли мне змей в подарок. Или в наказание. В конце концов, меня не было дома, когда погиб мой сын. Причина моей поездки в Бостон — проблемы с рекламным агентством — отчасти была лишь предлогом. Я был зол из-за интрижки Донны. Нет, я был в ярости. Мне нужно было остыть.

Я никогда не желал ей смерти, пытался сказать я этим детишкам с пустыми глазами, но, возможно, это было правдой лишь наполовину. Любовь и ненависть — тоже близнецы.

С туманной головой я пришел в себя, но сначала подумал, что всё ещё сплю, потому что еще слышал это ритмичное поскрипывание. Это был вентилятор в большом зале (а что ещё могло быть?), поэтому я встал, чтобы выключить его. Не успел я дойти до двери спальни, как понял, что скрип прекратился. Я прошел по галерее, пребывая больше во сне, чем наяву, и мне даже не пришлось включать свет, чтобы увидеть, что лопасти вентилятора неподвижны.

"Это был сон", — подумал я. — "Просто привиделся мне в полудрёме".

Я вернулся в кровать, почти сразу же провалился в настоящий сон, и на этот раз сновидений не было.

* * *

На следующий день я поднялся поздно, потому что проснулся посреди ночи. По крайней мере, мне так показалось; возможно, прогулка по галерее, чтобы проверить вентилятор, тоже была частью сна. Уверенности в этом не было.

Я бы не пошел на прогулку, если бы день был жарким, но за ночь пришел один из знаменитых холодных фронтов с побережья Мексиканского залива. На самом деле не такие уж они и холодные; нужно пережить зиму в Мэне, чтобы ощутить настоящий холодный фронт, но на улице было около семидесяти[111], и дуновение ветерка было освежающим. Я поджарил себе английский кекс, щедро намазал его маслом и отправился к распашным воротам.

Не прошел я и четверти мили, как увидел кружащих канюков — как черноголовых, так и рыжеголовых стервятников. Эти уродливые, неуклюжие птицы настолько крупны, что им трудно летать. Грег говорил мне, что они появляются сотнями, если начинается красный прилив, и пожирают дохлую рыбу, выброшенную на берег. Но в то лето красного прилива не было — жгучее ощущение в легких невозможно спутать ни с чем другим, — и эти птицы появились над дорогой, а не на пляже.

Я подумал, что их привлек мертвый кролик или броненосец, раздавленный на дороге. Может, чья-то сбежавшая кошка или щенок. Но это было не животное. Это была Элли. Она лежала на

[111] Около 21 градуса по Цельсию

спине возле своего почтового ящика. Двухместная детская коляска была опрокинута у её подъездной дорожки. Шорты и футболки высыпались и валялись на раздавленных ракушках. Полдюжины стервятников дрались из-за нее, прыгая вокруг и толкая друг друга, клевали ее руки, ноги и лицо. Только "клевали" — не совсем правильное слово. Они вгрызались в ее плоть своими крупными клювами. Я видел, как один из них — рыжеголовый канюк, который весил фунтов пять — вонзился в ее обнаженный бицепс и поднял ее руку, потрясая головой и заставляя ее шевелить кистью. Как будто она махала мне рукой.

После того как прошел мой паралич от шока, я набросился на них, размахивая руками и крича. Несколько стервятников неуклюже взмыли в воздух. Большинство других отступили вдоль дороги в больших неуклюжих прыжках. Но тот, что вцепился клювом в ею руку, продолжал трясти головой, пытаясь вырвать кусок плоти. Я бы не отказался от палки против змей — а бейсбольная бита была бы еще лучше, — но вы знаете, что говорят о желаниях, нищих и лошадях[112]. Я увидел упавшую пальмовую ветвь, поднял ее и начал размахивать ею.

— Убирайтесь! — закричал я. — Убирайтесь, ублюдки!

Эти ветви почти ничего не весят, но в сухом виде издают громкий дребезжащий звук. Стервятник еще раз дернул головой, а затем взлетел и пролетел мимо меня с куском плоти Элли в клюве. Его черные глаза словно запоминали меня, говоря "твоя очередь еще придет". Я попытался ударить его, но промахнулся.

Не было никаких сомнений в том, что она была мертва, но я присел рядом с ней, чтобы убедиться в этом. Я уже стар, и говорят, что мыслительные процессы человека ослабевают, даже если он не страдает болезнью Альцгеймера или слабоумием — тощий Панталоне[113] и все такое, — но я никогда не забуду, что сделали падальщики с этой милой женщиной, которая притворялась, что ее давно умершие дети всё ещё живы. С женщиной, которая приносила мне овсяное печенье с изюмом. Ее рот был открыт, и без нижней губы казалось, что она скалится. Стервятники успели оторвать половину ее носа и оба глаза. Налитые кровью глазные впадины смотрели на меня в безмолвном ужасе.

Я отошел к дальней стороне дороги и избавился от английского кекса и утреннего кофе. Затем вернулся к ней, хотя не хотел. Всё, чего мне хотелось, — это бежать не разбирая дороги обратно к дому Грега, насколько позволяли бы мои скрипучие старческие ноги. Но если бы я так поступил, стервятники вернулись бы и возобновили свою трапезу. Некоторые из них кружили над головой. Большинство же устроились на австралийских соснах и пальметто, как стервятники из фильма ужасов в карикатурной версии "Нью-Йоркера"[114]. У меня был с собой телефон, и я позвонил в 911. Я сообщил о случившемся и сказал, что останусь с телом до приезда полиции. Вероятно, приедет и "скорая помощь", от которой уже не будет много пользы.

---

[112] Шотландская пословица дословно звучит так: "Если бы желания были лошадьми, нищие ездили бы верхом"

[113] Выражение из пьесы Шекспира "Как вам это понравится", означающее шестую стадию жизни человека, которая характеризуется старостью и дряхлостью

[114] американский еженедельник, публикующий репортажи, комментарии, критику, эссе, художественные произведения, сатиру и юмор, комиксы и поэзию

Жаль, что у меня с собой не было ничего, чем бы я мог прикрыть ее изуродованное лицо, но потом мне пришла в голову одна мысль. Я поставил коляску, пододвинул ее к плотной стене рододендронов и морских виноградных лоз у края подъездной дорожки и взял одну из футболок, накинутых на спинку. Я положил ее на то, что осталось от ее лица. Ее ноги были раздвинуты, а юбка задралась до бедер. Из ТВ-сериалов я знал, что не следует трогать труп, пока не прибудет полиция, но решил на это забить. Я свел ее ноги вместе. Они тоже были изувечены, и мне показалось, что эти красные точки похожи на укусы змеи. Я взял другую футболку и накрыл ее ноги от колен до голеней. Одна футболка была черной, другая — белой, но на обеих было написано одно и то же: "Я — БЛИЗНЕЛИЧНОСТЬ!"

Я сел рядом с ней в ожидании полиции, проклиная тот день, когда решил приехать на Раттлснейк-Ки. Со слов мистера Ито, Дьюма-Ки был проклятым местом, но я боялся, что Раттлснейк окажется еще хуже. Только в отличие от Дьюмы, он ещё существовал.

Дорожка к дому Беллов была усеяна крупными ракушками. Я подобрал несколько штук и каждый раз, когда приближался один из тех стервятников, швырял в них ракушками. Я попал только один раз, но визжание падальщика доставило мне огромное удовольствие.

Я ждал сирен, стараясь не смотреть на мертвую женщину, лицо и ноги которой были закрыты футболками. Думал об овсяном печенье с изюмом и о поездке, которую совершил в Провиденс десять лет назад. Тогда мне было шестьдесят два года, и я подумывал о выходе на пенсию. Я не знал, что буду делать со своими так называемыми золотыми годами, но радость, которую всегда испытывал от рекламного бизнеса (создавать идеальный слоган к идеальной идее), начала угасать.

Я был там вместе с двумя другими пробивными малыми из бостонского агентства, чтобы встретиться и пообщаться с красноречивыми юристами из компании "Деббин энд Деббин". Их штаб-квартира находилась в Провидексе, но их офисы располагались во всех штатах Новой Англии. Они специализировались на автокатастрофах, случаях с получением инвалидности и травмах при падении с высоты. Команда Деббинов хотела провести агрессивную рекламную кампанию, которая охватила бы все телевизионные станции от Крэнстона до Карибу. "Что-то пёстрое, что-то яркое", — говорили они. – "Что-то, что заставит людей названивать по номеру 800". Я не особо стремился попасть на эту встречу, которая обещала быть долгой и конфликтной. Юристы думают, что знают всё.

Накануне вечером я сидел в холле отеля "Хилтон" в ожидании своих товарищей, Джима Улси и Андре Дюбоза. Идея заключалась в том, чтобы пойти в ресторан "Олив Гарден", устроить там мозговой штурм и придумать два хороших варианта. Не более двух. Юристы думают, что знают всё, но юристов также легко сбить с толку. В своем блокноте я записал: ЗАЧЕМ НАГИБАТЬСЯ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ НАГНУТЬ САМ? ЗВОНИТЕ В "ДЕББИН ЭНД ДЕББИН"!

Вероятно, это была неудачная идея. Я закрыл блокнот, положил его в карман пиджака и кинул взгляд на бар. Вот и всё, что я сделал. Иногда я задумываюсь о том, что мог бы выглянуть в окно или посмотреть на лифт, не идут ли Джим и Андре. Но судьба распорядилась иначе. Судьбе было угодно, чтобы я бросил взгляд на бар.

На одном из стульев сидела женщина. Она была одета в темно-синий брючный костюм. Ее черные с проседью волосы были уложены в стрижку, который парикмахеры называют

голландским бобом, и зачесывались на затылок. Когда она поднимала бокал, чтобы сделать глоток, я видел её лицо лишь частично, но мне не нужно было видеть больше. Есть вещи, которые мы и так знаем, верно? Наклон головы человека. То, как челюсть под углом переходит в подбородок. То, как одно плечо всегда слегка поднято, словно в шутливом пожатии плечами. Жест руки, зачесывающей назад прядь волос: два пальца вытянуты, а другие два согнуты к ладони. У времени всегда есть своя история, так ведь? У времени и любви.

"Это не она", — подумал я. — "Это не может быть она".

Хотя я знал, что это была она. Знал, что это не может быть никто другой. Я не видел ее более двух десятилетий, мы совсем перестали общаться, даже не посылали друг другу праздничных открыток уже лет двенадцать, но я узнал ее сразу.

Я встал на онемевшие ноги. Вошел в бар. Сел рядом с ней, с незнакомкой, которая когда-то была моей ближайшей подругой, объектом моего вожделения и моей любви. Женщина, которая убила бешеного пса, защищая своего сына, но слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно.

— Привет, — сказал я. — Могу я вас чем-нибудь угостить?

Она испуганно обернулась, готовая сказать что-то вроде "спасибо, но я уже встречаюсь", "спасибо, но я не ищу компании"... и увидела меня. Ее рот образовал идеальное О. Она покачнулась на стуле. Я поймал ее за плечи. Ее глаза смотрели прямо в мои глаза. Ее темно-синие глаза смотрели в мои.

— Вик? Это действительно ты?

— Здесь не занято?

Джим и Андре провели сеанс мозгового штурма без меня, и в конечном итоге юристы одобрили нашу ужасную рекламную кампанию с участием ушедшей в небытие звезды ковбойских фильмов. Я пригласил свою бывшую жену на ужин, и не в "Олив Гарден". Это был наш первый совместный ужин после развода. Последний закончился ожесточенной ссорой: она швырнула в меня тарелку с салатом, и нас выгнали. "Я больше не хочу видеть тебя", — сказала она. — "Если у тебя будет что-то ко мне, пиши".

Она ушла, не оглядываясь. Президентом тогда был Рейган. Мы считали себя старыми, но не знали, что такое настоящая старость.

В ту ночь в Провиденсе не было никаких споров. Было много разговоров, было изрядно выпито. Она поднялась ко мне в номер, и мы провели ночь вместе. Спустя три месяца — достаточное время, чтобы убедиться, что это не просто какой-то призрак прошлого, — мы снова поженились.

* * *

Полицейские прибыли на трех патрульных машинах — наверное, перебор для одной мертвой старушки. И да, там была машина скорой помощи. С трупа Элли Белл убрали футболки, и после того, как ее осмотрели медики и были сделаны фотографии на месте происшествия, на которые никто не хочет смотреть, мою соседку уложили в мешок для трупов.

Окружного полицейского, который взял у меня показания, звали П. Зейн. Того, кто фотографировал и записывал мои показания на видео, звали Д. Канаван. Канаван был моложе и с любопытством рассматривал коляску и детскую одежду. Прежде чем я успел всё объяснить, Зейн произнес:

— Она была довольно известной личностью. Чудаковатая, но вполне приятная. Слышал ту песню — "Дельта Дон"[115]?

Канаван покачал головой, но как поклонник кантри-музыки в целом и Тани Такер в частности, я знал, что Зейн имеет в виду. Сходство было не идеальным, но близким.

Я сказал:

— Это песня о женщине, которая продолжает искать своего давно ушедшего любимого. Миссис Белл любила гулять со своими близнецами, хотя их тоже давно нет в живых. Они умерли много лет назад.

Канаван задумался, а потом произнёс:

— Это полный пиздец.

Я подумал: "Чтобы понять ее, нужно самому потерять ребенка".

Один из техников скорой помощи присоединился к нам.

— Будет проведено вскрытие трупа, но я предполагаю, что это был инсульт или сердечный приступ.

— Ставлю на сердечный приступ, — сказал я. — Она принимала таблетки от аритмии. Они могут быть в кармане ее платья. Или...

Я подошел к коляске и заглянул в сдвоенные чехлы на спинках сидений. В одном лежали две маленькие бейсбольные кепки "Тампа Рейс"[116] и тюбик солнцезащитного крема. В другом лежала банка с таблетками. Техник взял ее и посмотрел на этикетку.

— Соталол, — прочитал он. — От учащенного или нерегулярного сердцебиения.

Я подумал, что она, скорее всего, перевернула коляску, пытаясь добраться до своего лекарства. А что еще могло быть? Не гремучая же змея.

— Думаю, вам придется дать показания следствию, — обратился ко мне офицер Зейн. — Вы здесь еще задержитесь, мистер Трентон?

— Да. Этим летом, похоже, все задерживаются.

— Согласен, — сказал он и поправил маску. — Пройдемте с нами. Посмотрим, не оставила ли она свой дом открытым. Мы должны запереть его, если это так.

---

[115] Песня в стиле кантри, ставшая хитом номер 1 в 1973 году в исполнении Хелен Редди. Её исполняла также Таня Такер

[116] Тампа-Бэй Рейс — профессиональный бейсбольный клуб из Сент-Питерсберга, штат Флорида

Я покатил коляску, в основном потому, что никто мне этого не запретил. Зейн взял таблетки и положил их в конверт.

— Господи Иисусе, — вымолвил Канаван. — Удивительно, как это скрипящее колесо не свело её с ума. — Затем, обдумав свои слова, добавил. — Хотя она и так была немного того.

— Она приходила ко мне и принесла печенье, — сказал я. — Я собирался смазать колесо тем вечером, но забыл.

Дом за стеной рододендронов и пальметто не был особняком. На самом деле он выглядел, как летнее жилье, которое в середине двадцатого века, задолго до того, как толстосумы открыли для себя острова Мексиканского залива, могло сдаваться в аренду рыбакам или отдыхающей семье за пятьдесят-семьдесят долларов в неделю.

За домом находилась более крупная и новая пристройка, но не настолько большая (или не настолько вульгарная), чтобы претендовать на статус особняка. Гараж соединялся с домом крытым переходом. Я заглянул внутрь, прижав ладони к стеклу, и увидел обычный старый "Шеви Круз". Через боковые окна проникало достаточно света, и я смог разглядеть два маленьких детских кресла, расположенных бок о бок на заднем сиденье.

Офицер Зейн для формальности постучал в дверь дома, затем подергал ручку. Дверь открылась. Он велел Канавану идти с ним и вести видеосъемку, вероятно, для того, чтобы потом показать своим начальникам, включая окружного прокурора, что они ничего не украли. Зейн спросил, хочу ли я зайти. Я отказался, но после того, как они вошли внутрь дома, попробовал открыть боковую дверь гаража. Она тоже была не заперта. Я закатил коляску внутрь и припарковал ее рядом с машиной. По прогнозам, вечером могла быть гроза, и мне не хотелось, чтобы коляска промокла.

— Ведите себя хорошо, — произнёс я. Слова вырвались из моих уст, прежде чем я осознал это.

* * *

Через десять минут Зейн и Канаван вышли из дома. Канаван всё ещё записывал на видеокамеру, когда Зейн перебирал ключи на брелоке, пробуя разные, пока не нашел подходящий для входной двери.

— Дом был полностью открыт, — сообщил он мне. — И окна тоже. Я запер заднюю дверь и дверь во внутренний дворик изнутри. Доверчивое существо.

Я подумал: "Что ж, у нее были дети, и это единственное, что ее заботило".

После некоторого перебора ключей умершей женщины Зейн запер гараж. К тому времени Канаван уже выключил видеокамеру. Мы втроем вернулись к дороге. Полицейские стянули маски на шеи. Я снова забыл свою — я не ожидал встретить кого-то.

— Ито ведь работает на вас? — спросил Зейн. — Японо-американец из Виллидж?

Я ответил утвердительно.

— И на миссис Белл тоже?

— Нет, только на меня. Ее участком занималась компания "Плант Уорлд". Иногда я видел их грузовики. Может быть, два раза в неделю.

— И у нее не было смотрителя? А починить засорившийся сток или подлатать крышу?

— Я не знаю таких. Мистер Ито, возможно, знает.

Зейн почесал подбородок.

— Она, должно быть, была мастерицей на все руки. Есть такие женщины. Тот факт, что она считала своих детей живыми спустя сорок лет после их смерти, не означает, что она не могла заменить прокладку или оконное стекло.

— Не такой уж она была мастерицей, если не могла смазать колесо той скрипучей коляски, — заметил Канаван.

— А, может, ей это нравилось, — сказал я. — Или...

— Или ничего, — сказал Канаван и засмеялся. — Никому не нравится скрипящее колесо. Говорят же, что именно его смазывают?

Зейн ничего не ответил. Я тоже не ответил, но подумал, что, может, детям это нравилось. Может быть, оно даже укачивало их после большого дня игр и купания. Скрип... пауза... скрип... пауза... скрип...

* * *

Когда мы вернулись к месту, где я нашел тело Элли, машины скорой помощи и двух полицейских машин уже не было. Перед отъездом полицейские растянули желтую ленту "НЕ ПРОХОДИТЬ". Пригнувшись, мы прошли через нее. Я спросил у офицера Зейна, что будет с домом и кто возьмет на себя похоронные расходы.

Он ответил, что не имеет ни малейшего понятия.

— Скорее всего, у нее было завещание. Кому-то придется порыться в ее доме и найти его, а также ее телефон и другие документы. Ее дети и муж мертвы, но где-то должны быть родственники. Пока мы не разберемся с этим, не могли бы вы нам помочь, мистер Трентон? Вы и Ито присмотрите за домом? Мы тут зашиваемся. Отчасти из-за бумажной работы, но в основном потому, что у нас всего три детектива. Двое в отпуске, а один заболел.

— Ковид, — вздохнул Канаван. — Как я слышал, Трис серьезно захворал.

— Я могу это сделать, — согласился я. — Вы хотите, чтобы никто не воспользовался тем, что её дом пустует.

— Именно. Хотя гиены в человеческом обличии, грабящие дом умершего, обычно узнают об этом из некрологов, а кто напишет некролог для миссис Белл? Она была одинока.

— Я мог бы сделать пост о ней в "Фейсбуке".

— Отлично. А мы объявим об этом по новостям.

— А что насчет Супердедули? — спросил Канаван. — Может, он осмотрит дом? Поищет завещание и, может, записную книжку?

— А это неплохая идея, — сказал Зейн.

— Кто такой Супердедуля? — спросил я.

— Энди Пелли, — ответил Зейн. — Полупенсионер. Отказывается выходить на полную пенсию. Он помогает нам, когда нужна помощь.

— Учредитель клуба "10-42", — сказал Канаван. Он хмыкнул, чем вызвал хмурый взгляд Зейна.

— Что за клуб?

— Копы, которые не могут решиться уйти на пенсию, — сказал Зейн. — Но Пелли — хороший полицейский, с большим опытом, и он дружит с одним из местных судей. Уверен, он с легкостью может получить ордер на случай экстренных обстоятельств или как он там называется.

— Так что мне не придется заходить в дом...

— Нет, нет, вам нельзя, — сказал Зейн. — Это будет работа Пелли, если он согласится на нее. Но спасибо, что позвонили. И за то, что не позволили этим ублюдкам растащить ее по частям. Они ее изуродовали, но могло быть гораздо хуже. Жаль, что ваша утренняя прогулка была испорчена.

— Всякое бывает. Кажется, Конфуций сказал что-то подобное.

Канаван посмотрел удивленно, но Зейн рассмеялся.

— Спросите мистера Ито, знает ли он что-нибудь о родственниках миссис Белл, когда увидите его.

— Хорошо.

Я смотрел, как они садятся в свою патрульную машину, и помахал им рукой, пока они не скрылись за следующим поворотом. Затем пошел домой. Я думал о Донне. Я думал о Тэде, нашем несчастном мальчике, которому сейчас, если бы не засорившийся игольчатый клапан, было бы за сорок, и он начал бы седеть. Я думал об Элли Белл, которая пекла вкусное овсяное печенье и говорила: "Я знаю, что их там нет. И всё же иногда они там есть".

Я думал о двухместной коляске, стоявшей в темном гараже рядом с "Шеви Круз". Я вспомнил, как произнес: "Ведите себя хорошо"... хотя коляска была пуста.

Как это было несправедливо. По отношению к близнецам Белл, по отношению к моему сыну, по отношению к моей жене. Этот мир полон гремучих змей. Иногда наступаешь на них, и они не кусаются. А иногда их обходишь, а они всё равно тебя укусят.

* * *

Вернувшись домой, я почувствовал голод. Нет, волчий голод. Я по-быстрому приготовил яичницу из четырех яиц и поджарил еще один английский кекс. Донна сказала бы, что мой

голод — признак здоровья, символ победы жизни над смертью, но я просто был голоден. Видимо, найдя труп женщины у въезда к ее дому и отгоняя от нее стервятников, я сжег гигантское количество калорий. Я не мог выбросить из головы ее искалеченное лицо, но все равно съел всё, что было на тарелке, и на этот раз удержал еду внутри себя.

Поскольку день не был нестерпимо душным, а вполне располагал к прогулке, я решил еще раз прогуляться... но не до распашных ворот, что означало бы пройти мимо места, где я обнаружил Элли. Вместо этого я пошел по дощатому тротуару Грега к пляжу. Первую часть пути окружали пальметто и пальмы, превращая его в своего рода зеленый туннель. Похоже, енотам нравилось это место, и я осторожно обходил маленькие кучки их экскрементов. В конце дощатой дорожки стояла беседка. После этого деревья заканчивались, и открывался широкий пляж с травой и камышами. Шум волн был мягким и успокаивающим. Чайки и крачки кружили, наслаждаясь бризом с залива. Там были и другие птицы — крупные и мелкие. Грег был любителем орнитологии и, наверное, знал их всех. Я же нет.

Я посмотрел на юг, где были большие заросли подлеска. Над ними торчало несколько пальм, но выглядели они рваными и нездоровыми, вероятно, потому что мусорная поросль высасывала большую часть грунтовых вод, богатых питательными веществами. Именно там Джейк и Джо, должно быть, встретили свою судьбу. Я видел дощатую дорожку Беллов, и если бы они пошли по ней, вместо того чтобы играть в исследователей джунглей, им было бы уже за сорок, и они, наверное, катали бы своих собственных малышей в этой старой коляске. Если бы да кабы.

Беседка осталась позади, и я направился на север вдоль пляжа, который был широким, влажным и сиял на солнце. После обеда пляжа станет меньше, а к вечеру, когда начнется прилив, его почти не останется. Мистер Ито говорил, что раньше такого не было, что причиной всему глобальное потепление, и к тому времени, когда Эдди доживет до его лет, пляж вообще исчезнет.

Гулять было приятно: слева — залив, справа — дюны. Дом Грега Акермана был последним на Раттлснейк-Ки; к северу от его участка начинались земли округа, и вновь возникали заросли, растущие так близко к пляжу, что иногда приходилось отмахиваться от веток пальметто и перешагивать через большие кусты пляжной наупаки. Затем растительность заканчивалась, и пляж расширялся в неправильный треугольник, усыпанный ракушками. То тут, то там я замечал акульи зубы, некоторые величиной с мой указательный палец. Я подобрал несколько и положил их карман, думая, что подарю их Донне. Потом вспомнил, что, о, черт, моя жена же умерла.

"Снова укушен", — подумал я.

Треугольник получился неправильным из-за того, что Дейлайт-Пасс отрезал пляж. Вода текла против течения из Калипсо-Бея, сначала борясь с мягкими волнами залива, а затем, соединившись с ними, кружилась в водовороте. Ураган открыл Дейлайт, который был закрыт девяносто лет назад. Я читал об этом в "Иллюстрированной истории Южных островов", которая лежала на кофейном столике Грега, когда заселился. Напротив виднелся плавучий участок зелени — это всё, что осталось от Дьюма-Ки, затопленного тем же ураганом, что открыл Дейлайт-Пасс.

Я потерял интерес к сбору акульих зубов — видимо, сказались воспоминания о том, что Донны уже нет на этом свете — и просто засунул руки в карманы и стал рассматривать ракушечный пляж, которым заканчивался Раттлснейк-Ки. Именно в этот тупик охотничий отряд загнал полчище змей. Юристы красноречивы, а гремучки танцуют румбу. Понятия не имею, откуда у меня взялись такие мысли. Разум — это не только ядовитая рептилия, иногда кусающая саму себя, но и активный сборщик мусора. Фредди Кэннон[117] выпускал свои пластинки-сорокапятки на лейбле "Сван", на которых было написано: НЕ БРОСАТЬ. Второе имя Джеймса Гарфилда было Абрам[118]. Тоже понятия не имею, откуда взялось это.

Я стоял там, и ветерок трепал мою рубашку, а птицы кружили над головой, и зеленая листва (то, что осталось от Дьюма-Ки) поднималась и опускалась вместе с волнами, словно дышала. Как они загнали сюда змей? Этого я не знал. А когда они их сюда загнали, как убивали тех, кто не пытался спастись вплавь? Этого я тоже не знал.

Позади меня раздался скрип. Потом еще один. Мой затылок покрылся холодным потом. Я боялся оборачиваться, потому что был уверен, что увижу ту двухместную коляску с мертвыми близнецами в ней, распухшими от змеиных укусов. Но поскольку я был загнан в тупик (как и гремучие змеи) и не верил в привидений, я повернулся. На меня смотрела пара чаек — белые головы, черные тела, глаза-бусинки, спрашивающие, какого черта я вторгся на их территорию.

От страха я бросил в них пару акульих зубов. Они были не такие большие, как ракушки, которыми я швырялся в стервятников, но сделали свое дело. Чайки улетели, возмущенно крича.

Крича.

Но я ведь отчетливо слышал скрип. Как у колеса, которому нужна смазка. Я сказал себе, что это чушь, и почти убедил себя в этом. Ветер принес запах чего-то похожего на запах бензина или керосина. Меня это не удивило: политики Флориды, начиная от губернатора и заканчивая городскими властями разных уровней, больше заинтересованы в бизнесе, чем в сохранении хрупкой экосистемы побережья Мексиканского залива. Они злоупотребляют ею и в конце концов потеряют ее.

Я поискал характерную радужную пленку газа или нефти на поверхности и ничего не увидел. Глубоко вдохнул и ничего не почувствовал. Пошел обратно домой... таковым я теперь считал дом Грега Акермана.

* * *

Я не знаю, работают ли повторные браки. Может, есть какая-то статистика, но я её не видел. Наш сработал. Было ли это из-за длительного разрыва? Прошло много лет, как мы не видели друг друга, а потом и вовсе перестали общаться. Шок от воссоединения? Возможно, отчасти так и было. Или это было потому, что ужасная рана от смерти нашего сына успела затянуться? Интересно, удается ли парам преодолеть подобное.

Если говорить про себя, то я думал о Тэде всё реже и реже, но когда его вспоминал, боль была почти такой же сильной, как и прежде. Однажды в офисе я вспомнил, как читал ему перед

---

[117] Фредди Кэннон — американский певец, исполнитель раннего рок-н-ролла
[118] Джеймс Абрам Гарфилд — 20-й президент США, разносторонне одарённый самоучка

сном "Слова против монстров" — катехизис, который должен был прогнать его страх темноты, — и мне пришлось присесть на унитаз в служебном туалете и поплакать. Это случилось не через год и не через два, и даже не через десять лет после происшествия; это было, когда мне было за пятьдесят. Теперь мне за семьдесят, но я по-прежнему не могу смотреть на его фотографии, хотя было время, когда у меня их было много в телефоне. Донна говорила, что смотрит их, но только в день его рождения — как своего рода ритуал. Но она всегда была сильнее меня. Она была настоящим солдатом.

Мне кажется, что большинство первых браков основаны на романтике. Конечно, есть исключения, когда люди женятся ради денег или для улучшения своего положения в жизни иным способом, но большинство из них пронизаны головокружительным, скользящим чувством, о котором поется в песнях. "Ветер под моими крыльями"[119] — прекрасный пример как из-за эмоций, которые вызывает эта песня, так и из-за образа в ней: ветер в конце концов затихает. Тогда вам придется махать крыльями, чтобы не разбиться о землю. У некоторых пар настолько крепкая связь, что она сохраняется и после того, как угасает романтика. У других пар такой связи нет. Вместо того чтобы говорить о своих отношениях, они ссорятся из-за них. Подозрения сменяют доверие. Мрачных тайн становится всё больше.

А некоторые браки распадаются из-за смерти ребенка. Брак Элли Белл не развалился, хотя мог бы, если бы ее муж не умер вскоре после этого. У меня не было сердечного приступа, только панические атаки. Я держал в портфеле бумажный пакет и дышал в него, когда они наступали. В конце концов, они прекратились.

Когда мы с Донной снова поженились, наша любовь была старше, добрее и сдержаннее. Не было ссор из-за денег, которые терзают многие молодые пары, только начинающие совместную жизнь; я хорошо зарабатывал в рекламном бизнесе, а Донна была руководителем одного из крупнейших школьных округов на юге штата Мэн. В тот вечер, когда я встретил ее в баре, она была в Провиденсе на конференции администраторов школ Новой Англии. Ее годовой заработок был не таким большим, как мой, но значительным. У нас обоих был 401k[120] и никаких финансовых проблем.

Секс был удовлетворительным, хотя и без огонька (за исключением, может быть, того первого раза после нашего долгого — ха-ха — перерыва). У нее был свой дом, у меня — свой, так мы и жили. Поездки на работу не стали большой проблемой. Оказалось, что все эти годы мы жили всего в семидесяти милях друг от друга. Мы не были вместе всё время, и это было нормально. Нам и не нужно было быть всегда вместе. Это было похоже на близость с хорошим, надежным другом. Мы работали над отношениями так, как не нужно этого делать начинающим парам, потому что у них уже есть ветер под крыльями. Пожилые пары, особенно те, у которых в прошлом была ужасная тьма, должны махать крыльями. Именно это мы и делали.

Донна вышла на досрочную пенсию, и с 2010 года мы стали жить в одном доме — моем, в Ньюберипорте. Это было ее решение. Сначала я подумал, что она хочет проводить со мной больше времени, и я был прав. Но я не знал, почему она считает такое времяпрепровождение необходимым. Неделю она обустраивалась, а потом в одну солнечную октябрьскую субботу

---

[119] "Ветер под моими крыльями" — хит Бетт Мидлер
[120] Наиболее популярный пенсионный план (накопительный пенсионный счёт) частной пенсионной системы в США

спросила, не прогуляюсь ли я с ней у каменной стены, отделяющей мой участок от реки Мерримак. Мы держались за руки и шли по опавшим листьям, слушая их шелест и вдыхая тот сладковатый аромат корицы, которого они приобретают перед тем, как завянуть и начать разлагаться. Это был прекрасный послеполуденный день, по голубому небу плыли большие толстые облака. Я сказал, что она похудела. Она ответила, что так оно и есть. У нее был рак.

* * *

Я боялся, что мысли о стервятниках, разрывающих тело Элли, не дадут мне заснуть, поэтому стал рыться в аптечке Грега (мой друг всегда был немного ипохондриком) и нашел там четыре таблетки "Золпидема"[121]. Судя по этикетке, срок годности этого снотворного истек в мае 2018 года, но я решил, что пусть всё катится к черту, и принял пару таблеток. Может, они сработали, а может, это был просто эффект плацебо, но я сладко проспал всю ночь, причем без сновидений.

Проснулся я свежим в семь утра и решил совершить свою обычную прогулку, чувствуя, что всё равно не смогу избежать места, где погибла Элли, до конца своего пребывания здесь. Я надел шорты и кроссовки и спустился вниз, чтобы заварить кофе. Подъездная дорожка Грега выходит в большой двор сбоку от дома. Окно внизу лестницы смотрит на этот двор. Я преодолел две ступеньки по лестнице и застыл, уставившись во все глаза.

Во дворе стояла коляска.

Я отказывался поверить в это. Не мог это осознать. Мне подумалось, что это какой-то обман зрения, игра теней, вот только в этом раннем утреннем свете не было никаких теней... за исключением тени, отбрасываемой коляской. Она стояла там. Она была реальной. Тень еще больше доказывала это. Тень не возникает на ровном месте. Тени не существует, если нет чего-то, что ее создает.

После первоначального потрясения я испугался. Кто-то — какой-то нехороший, злой человек — притащил сюда коляску и оставил ее здесь, чтобы напугать меня. У него это получилось. Я был напуган. В голове не укладывалось, кто бы мог сделать такое, уж точно не офицеры Зейн или Канаван. Мистер Ито, возможно, слышал о смерти миссис Белл — в мелких местечках новости распространяются быстро, — но он не был таким шутником, а его сын проводил большую часть времени в сказочной стране под названием Интернет. Ни на кого невозможно было подумать, и в каком-то смысле это не имело значения. Важно было то, что кто-то пришел в мой дом в то время, которое писатели называют "под покровом ночи".

Закрыл ли я все двери на замок? Шокированный и напуганный (даже не злой), я не мог вспомнить. Я даже не вспомнил бы в тот момент второе имя своей покойной жены, если бы меня спросили. Я бросился к парадной двери: закрыто. Пошел к той, что вела к бассейну и во внутренний дворик: закрыто. Подошел к задней двери, ведущей в гараж, и она была закрыта. Значит, по крайней мере, никто не был внутри дома, прокравшись ночью. Это должно было бы расслабить, но не расслабило.

"Должно быть, кто-то из копов оставил эту вещь", — подумал я. — "Зейн запер гараж и забрал ключи".

---

[121] В настоящее время наиболее распространённое снотворное в США и в Европе

В этом была логика, но я в нее не верил. Зейн казался солидным, надежным и далеким от таких тупых шуток. К тому же, так ли уж был необходим ключ от гаража? Скорее всего, нет. Замок на двери выглядел так, будто его можно было открыть при помощи проволоки или пластиковой карты.

Я вышел из дома посмотреть на коляску. Я подумал, что там может лежать записка в стиле тех, что оставляют в жутких третьесортных треш-фильмах: "Ты следующий" или "Возвращайся туда, откуда пришел".

Записки не было. Было кое-что похуже. Желтые шорты на одном сиденье, красные — на другом. Не те, что были вчера. И рубашки, перекинутые через спинки, были другие. Я не хотел к ним прикасаться. На них было написано: ТРУЛЯЛЯ и ТРАЛЯЛЯ. Рубашки для близнецов, однако близнецы, носившие их, давно умерли.

Что делать с этой чертовой коляской — вот в чем вопрос, и вопрос хороший. Теперь, когда реальность ее существования стала очевидной, мой первоначальный шок со страхом сменились любопытством и гневом: какой дерьмовый способ начать утро. В кармане моих шорт лежал мобильник. Я позвонил в управление шерифа округа и попросил позвать офицера П. Зейна. Секретарь сначала перевела меня в режим ожидания, а затем сообщила, что офицера Зейна не будет на службе до понедельника. Я знал, что лучше не спрашивать личный номер полицейского, поэтому попросил диспетчера передать, что звонил Виктор Трентон и попросил перезвонить.

— Постараюсь что-нибудь сделать, — сказала женщина, не особо подняв мне настроение в это проклятое утро.

— Да уж, постарайтесь, — сказал я и положил трубку.

Мистер Ито тоже не появится до понедельника, и хотя я не планировал никаких гостей, я не собирался оставлять эту коляску во дворе. Я решил вернуть ее обратно миссис Белл и поставить в гараж. В конце концов, это был мой обычный маршрут, и заодно я мог бы узнать, не взломал ли какой-то шутник/злой человек дверь гаража. Однако сначала я сделал пару фотографий коляски, чтобы затем показать их Зейну, если он, конечно, ими заинтересуется. Возможно, он не придет в восторг от того, что я переместил коляску с места, где ее нашел, но разве она была уликой? Разве Элли Белл была забита ею до смерти? Нет. Я просто возвращал ее туда, где мы ее поставили.

Я катил коляску по дороге под палящими лучами утреннего солнца. Должно быть, "Золпидем" всё еще действовал, потому что, как только мой страх развеялся прозаической обыденностью ситуации (даже шорты и футболки были обыденными, из тех, что можно купить в любой момент в "Волмарте" или на "Амазоне"), я впал в некое оцепенение. Наверное, если бы я лежал в постели или даже на диване, я бы задремал. Но поскольку я шел по Раттлснейк-роуд, то дал своим мыслям просто плыть по течению.

Со скрипучим колесом или нет (надо бы его смазать в конце концов, подумал я), но коляску было легко катить, особенно без четырехлетних мальчиков. Катил я ее левой рукой. Правой я коснулся рубашек, висевших на спинках сидений — сначала одной, потом другой. Я даже не осознавал, что делаю.

Я думал о малышах, сначала переходящих дорогу, а затем продирающихся к пляжу через заросли. Они не злились, не чертыхались от того, что получали по лицу от острых веток. Они не проявляли нетерпения, не жалели, что не пошли по дощатому тротуару. Они были погружены в свою фантазию — исследователи джунглей в газетных шапочках, которые им сделал отец из воскресных цветных комиксов. Где-то впереди мог быть сундук с сокровищами, оставленный пиратами, а может, их ждала гигантская обезьяна вроде Кинг-Конга, которого они видели в одном фильме по телевизору, сидя на полу и скрестив ноги, в 4 часа дня по программе "Тампа Матиней", пока мама не переключила на вечерние новости с Томом Брокау[122].

Они слышат шорох, поначалу тихий, но становящийся громче и ближе по мере того, как они героически продвигаются вперед. Сначала они не обращают на него внимания, а затем допускают роковую ошибку, игнорируя его. Джо думает, что это пчёлы и они могут поживиться мёдом. Джейк говорит ему не глупить, а то пчелы могут их покусать. Они идут за сокровищами. Мед — не сокровища. Шорохи теперь раздаются и справа, и слева. Не беда! Дорога к пляжу прямо перед ними. Они уже слышат шум волн и для начала искупаются, прежде чем будут копаться в песке в поисках золота (и строить замок, если поиски сокровищ ничего не принесут). Они хотят зайти в воду, потому что им жарко, как в тот жаркий день, какой пришлось перенести моему маленькому мальчику. У него не было воды, в которой он бы поплескался, он был заперт в раскаленной машине со своей мамой, потому что снаружи был монстр. Монстр не уходил, а машина не двигалась.

Они не замечают углубления, которое скрывается зарослями кустарника. Эти кусты также скрывают логово змей (румбу гремучек), живущих в их тени. Бок о бок Джейк и Джо могли бы обойти этот заросший пучок зелени, но отважные исследователи так не поступают. Отважные исследователи идут прямо вперед, срубая зелень невидимыми мачете.

Именно это они и делают, и поскольку идут бок о бок, то вместе падают в ямку. И прямо в логово змей. Их здесь десятки. Некоторые из них еще молоды (змееныши), и хотя они кусаются, но не могут (вопреки распространенному мнению) впрыскивать яд. Но их укусы все равно болезненны. А большинство гремучек — это взрослые особи в режиме полной защиты. Они выбрасывают вперед свои ромбовидные головы и глубоко вонзают свои клыки.

Мальчики кричат — "Ой!" и "Нет!" и "Что?" и "Больно!".

Их кусают много раз за лодыжки и икры. Джо опускается на одно колено. Змея ударяет его бедро и жгутом обвивает его колено. Джейк с трудом выбирается из заросшего кустарником углубления с браслетами на щиколотках в виде змей. Треск заполняет весь мир. Джейк пытается вытянуть Джо из ямы, и змея в мгновение ока вонзает свои клыки в мякоть его маленькой ладони. Джо лежит на животе, и змеи ползают по всему его телу. Он пытается защитить хотя бы лицо, но не может. Его кусают за шею и щеки, а когда он поворачивает голову в тщетной попытке вырваться, — за нос и рот. Его лицо начинает опухать.

Джейк разворачивается и начинает брести обратно к дороге и дому Беллов на другой стороне, по-прежнему со змеями на щиколотках. Одна отваливается. Другая начинает пробираться вверх к шортам мальчика. Почему он убегает, хотя они всегда всё делали вместе? Потому ли, что знает, что его брату-близнецу уже не помочь? Нет. Потому ли, что он в слепой панике? Нет,

[122] Том Брокау — американский телеведущий, журналист, редактор телевизионных программ

даже слепая паника не заставила бы его бросить Джо. Он хочет добраться до папы, если тот еще дома, или мамы, если папы нет. Это не паника, это спасательная операция. Джейк срывает змею с ноги и успевает увидеть ее оценивающие глаза-бусинки за мгновение до того, как она вонзает клыки в его запястье. Он отшвыривает ее и пытается бежать, но не может, яд проникает в него, заставляя сердце биться неровно, затрудняя дыхание.

Джо больше не кричит.

Зрение Джейка двоится, затем троится. Он уже не может идти, поэтому пытается ползти. Его руки распухают, как мультяшные перчатки. Он пытается произнести имя своего брата и не может, потому что его горло...

* * *

Из этого видения меня вывел лязг открывающихся распашных ворот. Коляска, которую я катил, пересекла фотоэлектрический луч датчика ворот. В своем зомби-состоянии я прошел далеко от подъездной дорожки Элли. Я увидел, что моя правая рука ходит туда-сюда, касаясь сначала одной рубашки (ТРУЛЯЛЯ), а затем другой (ТРАЛЯЛЯ). Я отдернул ее, словно касался чего-то горячего. Мое лицо было мокрым от пота, а футболка — темной от него. Я только гулял (по крайней мере, мне так показалось; точно не помню), но дышал учащенно, как после двухсотярдового спринта.

Я откатил коляску назад, и ворота закрылись. Я спросил себя, что только что произошло, но думал, что знаю. Другие члены моей команды в агентстве рассмеялись бы — за исключением, возможно, Кэти Уилкин, чье воображение простиралось дальше рекламных слоганов про чистящие средства для унитазов, — но у меня не было другого объяснения. Я видел фильмы и, по крайней мере, один документальный телефильм, где полицейские просили так называемых ясновидящих помочь найти тела людей, которые считались мертвыми. Как ищейкам дают предмет одежды, чтобы пройти по следу, так и экстрасенсам давали предметы, считавшихся важными для человека, которого они должны были найти. В основном результаты оказывались чепухой, но в нескольких случаях это срабатывало. Или казалось так.

Дело было в футболках. В прикосновении к ним. А часть про Тэда? Это были мои собственные воспоминания, вторгшиеся в ту ауру, которую я получил от этих футболок. Не было ничего удивительного в том, что мой сын попал в мои видения. Он умер примерно в том же возрасте, что и близнецы Белл, и почти в то же время. Тройняшки вместо близнецов. Трагедия, взывающая к трагедии.

Когда я развернул коляску и направился обратно, яркость моего видения начала блекнуть. Я стал сомневаться в том, что у меня был настоящий экстрасенсорный опыт. В конце концов, я ведь не знал, что именно случилось с близнецами Белл. Возможно, мой разум просто добавил некоторые детали, такие как скрытый провал, в который они упали. Всё могло быть совсем иначе. Кроме того, нельзя было отрицать, что я был в крайне внушаемом состоянии из-за того, что коляска появилась так, как она появилась.

Вот этого я не мог объяснить.

* * *

Пригнувшись, я пролез под желтой лентой и покатил коляску по извилистой дорожке к дому Беллов. Скрип, скрип, скрип. Боковая дверь гаража была приоткрыта, лениво покачиваясь на легком ветерке. Ни сверху, ни снизу от замка, ни на самой двери не было ни одного скола. Ее могли отпереть пластиковой карточкой, но ее не взламывали.

Я внимательно осмотрел дверные ручки, как снаружи, так и изнутри. В центре наружной ручки была замочная скважина, с помощью которой офицер Зейн запер дверь. Чтобы запереться изнутри, ключ не требовался. В центре внутренней ручки была кнопка, которую нужно было просто нажать.

"Всё очень просто", — подумал я. — "Это были близнецы. Джейкоб и Джозеф. Они просто повернули внутреннюю ручку. Нажалась кнопка, и дверь открылась. Просто как два пальца об асфальт. Потом они прикатили коляску ко мне: Джейк катил с одной стороны, а Джо с другой".

Конечно. А еще мы победили во Вьетнаме, высадка на Луну была подделкой, охваченные горем и ужасом родители в Сэнди-Хук[123] были нанятыми актерами, а 11 сентября устроили американские власти.

И тем не менее дверь гаража была открыта.

А коляска оказалась у меня дома, в четверти мили отсюда.

Зазвонил телефон, и я аж подскочил. Звонил офицер П. Зейн. Секретарь из управления шерифа всё-таки связалась с ним.

— Здравствуйте, мистер Трентон, чем могу быть полезен? — Сегодня его голос был более расслабленным, с более южным говорком. Наверное, потому что у него был выходной, и он не был на службе.

— Я нахожусь у дома Беллов, — сказал я и объяснил ему причину. Вряд ли стоит добавлять, что я пропустил часть про мальчиков, упавших в замаскированную яму со змеями.

Когда я закончил, в трубке воцарилась тишина. Затем он сказал:

— Почему бы вам не поставить эту коляску обратно в гараж?

В его голосе не было удивления или беспокойства. Конечно, он же не видел змей, ползущих по Джо Беллу, когда тот пронзительно кричал.

— Кто-то подшутил над вами. Скорее всего, подростки, тайком пробравшиеся на Раттлснейк-роуд, к дому умершей сумасшедшей. Такая у нее была репутация в Палм-Виллидж.

— Вы действительно так считаете?

— А что еще могло быть?

"Например, привидения", — подумал я. — "Дети-призраки". Но я не сказал этого. Мне даже не нравилось думать об этом.

---

[123] Массовое убийство в начальной школе в Сэнди-Хук произошло14 декабря 2012 года, погибло около 30 человек

— Может, вы и правы. Может, они отперли замок пластиковой картой или водительским удостоверением. Нет никаких следов повреждений.

— Конечно. Вскрыть такой замок очень просто.

— Просто как два пальца об асфальт.

Он хихикнул.

— Совершенно верно. Просто верните коляску и закройте дверь. Ключи покойной леди находятся на подстанции. Энди Пелли их заберет. Помните такого?

— Конечно. Супердедуля.

Он снова рассмеялся.

— Верно, только не называйте его так при нём. В общем, он договорился со своим другом-судьей, и тот подписал эту штуковину о чрезвычайных обстоятельствах, чтобы Энди мог зайти в дом и поискать информацию о ближайших родственниках и местных знакомых. Энди — стреляный воробей. Если там кто-то был, он узнает. По крайней мере, нам нужно найти кого-то, кто возьмет на себя ответственность за останки леди.

"Останки", — подумал я, наблюдая, как дверь раскачивается на ветру. Какое слово.

— Она не может просто остаться в морге, да?

— У нас его даже нет. Она сейчас в похоронном бюро Пердомо в Тамайами. Кстати, раз вы уж там, а гараж открыт, не могли бы вы зайти туда и посмотреть, не подверглась ли машина этой дамы какому-нибудь акту вандализма? Проколотые шины, разбитые окна, треснувшее лобовое стекло? Потому что в таком случае нам придется отнестись к этому чуточку серьезнее.

— С удовольствием. Простите, что побеспокоил вас в ваш выходной.

— Не беспокойтесь. Я уже позавтракал и теперь просто сижу на заднем дворе и читаю газету. Позвоните мне, если с машиной что-то случилось. Если что-то будет, я сообщу Энди. И мистер Трентон?

— Называйте меня Виком.

— Хорошо, Вик. Если вам кажется, что подобное может повториться — придурков, которые устраивают такие шутки, трудно назвать креативными, — вы можете откатить коляску к себе и поставить ее в свой гараж.

— Наверное, оставлю ее здесь.

— Логично. Хорошего дня.

Когда я закатывал коляску в гараж, приподнимая ее переднюю часть, чтобы преодолеть косяк, то вспомнил, что также не рассказал Зейну о новых шортах и футболках.

В гараже не было кондиционера, и я вспотел почти сразу, как вошел. Если не считать того, что машину Элли следовало помыть на ближайшей автомойке — боковые и лобовое стекла были

покрыты коркой соли, — "Шеви Круз" был в порядке. Я уставился на пустые автокресла на заднем сиденье (конечно, они были пустыми) и с трудом отвел от них взгляд. Вдоль задней стены было сложено несколько картонных коробок. На каждой из них фломастером было аккуратно написано: "Джейкоба и Джозефа".

У моей матери была поговорка: "Хуже сплетников только те, кто сует нос не в свои дела", но отец подкалывал ее другой: "Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, но потом нос снова отрос".

Я открыл одну из коробок и увидел настольные пазлы с деталями в форме животных. Открыв другую, обнаружил детские книги с картинками: Доктора Сьюза[124], Ричарда Скарри[125], книжки из серии "Мишки Беренштейн". В других лежала одежда, включая шорты и парные футболки с различными милыми фразами для близнецов. Вот откуда взялись шорты и футболки в коляске. Я задался вопросом: знал ли приколист, что Элли раскладывала эти вещи в коляске, словно ребенок, одевающий невидимых кукол. Офицер Зейн ответил бы утвердительно, земля слухами полнится. Я не был так уверен.

Горе спит, но не умирает. По крайней мере, пока не умрет сам скорбящий. В этом я убедился вновь, открыв последнюю коробку. В ней было полно игрушек: машинки "Мачбокс", конструктор "Плэйстикс", фигурки из "Звездных Войн", сложенная игра "Конфетная страна", дюжина пластиковых динозавров.

У нашего сына тоже были машинки "Мачбокс" и игрушечные динозавры. Он их обожал.

У меня защипало в глазах, а руки не слушались, когда я закрывал коробку. Я захотел выбраться из этого душного, тихого гаража. И с острова Раттлснейк-Ки тоже. Я приехал сюда, чтобы перестать оплакивать свою жену и все те годы, которые мы глупо потеряли, проведя в разлуке, а не для того, чтобы вновь открыть давно затянувшуюся рану от ужасной смерти моего мальчика. И уж точно не для того, чтобы переживать вспышки ясновидения в духе "Инсайд Вью". Наверное, я еще поживу тут денька два-три, и если ничего не изменится, то позвоню Грегу, поблагодарю его и скажу мистеру Ито присмотреть за местом. Затем вернусь в Массачусетс, где в августе тоже жарко, но терпимо.

Выходя из гаража, я увидел на полке слева от двери несколько инструментов — молоток, отвертку, пару гаечных ключей. Там стояла также старомодная маслёнка — с металлическим основанием, которое накачивают пальцами, и длинной насадкой, немного напомнившей мне палку от змей Элли Белл. Я решил, что даже если не собираюсь катить коляску к дому Грега, то могу хотя бы смазать эту скрипучую колесницу. Если, конечно, в банке осталось хоть немного масла.

Я взял ее в руки и увидел, что на полке есть еще кое-что. Это была папка с надписью "ДЖЕЙК И ДЖО". И крупными буквами: "СОХРАНИТЬ!"

Я открыл ее и увидел две бумажные шапочки, сделанные из воскресных цветных комиксов. Я забыл о том, что собирался смазывать скрипучее колесо, и мне не хотелось прикасаться к этим

---

[124] Доктор Сьюз — американский детский писатель и мультипликатор

[125] Ричард Скарри — популярный американский детский писатель и иллюстратор

самодельным шапочкам, а то могут начаться новые видения. В этом душном гараже такая идея показалась слишком правдоподобной.

Я закрыл гаражную дверь и пошел домой. Добравшись до дома, я включил телефон и сказал поисковику: "Тампа Матиней". Мне не хотелось этого делать, но я нашел шапочки, поэтому пришлось. Сири привела меня на ностальгический сайт, созданный бывшим руководителем WTVT, филиала "Си-би-эс"[126] в Тампе с давних времен. Там был список местных программ с пятидесятых по девяностые годы. Кукольное шоу по утрам. Танцевальная дискотека для подростков по субботам. И вот — "Тампа Матиней", послеполуденный киносеанс, который шел с четырех до шести каждый будний день до 1988 года. Когда-то давно, всего через три года после смерти моего сына, Джо и Джейк сидели перед телевизором, скрестив ноги, и смотрели, как Кинг-Конг взбирается на вершину Эмпайр-стейт-билдинга.

В этом я ни капли не сомневался.

* * *

Наш повторный брак длился десять лет. Девять из них, до возвращения рака, были хорошими. А последний год... ну, первые полгода мы как-то справлялись. Затем боль стала нарастать, переходя от серьезной стадии к очень серьезной стадии, когда невозможно больше думать ни о чем другом. Донна храбрилась, у неё не было недостатка в мужестве. Однажды она столкнулась с бешеным сенбернаром, не имея при себе ничего, кроме бейсбольной биты. Против рака, сжигающего ее изнутри, у нее не было никакого оружия, кроме собственной воли, и в течение долгого времени этого было достаточно. Под конец она была лишь тенью той женщины, с которой я провел ту ночь в Провидексе, но для меня ее красота не померкла.

Она хотела умереть дома, и я выполнил ее желание. Днем к нам приходила одна сиделка, а часть ночи была другая, но в основном я ухаживал за ней сам. Я кормил ее, а когда она уже была не в состоянии дойти до ванной, переодевал ее. Я хотел наверстать все эти упущенные годы. За нашим домом росло дерево, которое раскололось — видимо, от удара молнии, — а затем снова срослось, образовав отверстие в форме сердца. Это были мы. Возможно, эта метафора покажется слишком сентиментальной, но так я чувствовал.

Некоторым людям везёт еще меньше. Мы постарались взять всё, что нам было дано.

* * *

Я лежал в постели и смотрел на медленно вращающиеся лопасти потолочного вентилятора. Я думал о коляске со скрипящим колесом, о шапочках из бумаги и игрушечных динозаврах. Но больше всего я думал о той ночи, когда умерла Донна, воспоминание, которого я старался избегать. Теперь же оно казалось каким-то необходимым. Надвигался северо-восточный циклон с сильным снегопадом и ветром в сорок миль в час. В три часа дня позвонила ночная сиделка из Льюистона и отменила визит. Дороги, по ее словам, были непроходимы. Свет несколько раз мигал, но, слава Богу, не погас. Я не знал, что бы делал, если бы он пропал. В конце декабря Донну перевели с таблеток оксиконтина[127] на морфиновую помпу. Она стояла у

[126] Си-би-эс — американская телерадиосеть, одна из самых больших широковещательных телевизионных сетей США

[127] Оксиконтин — популярное в США рецептурное обезболивающее на опиоидах, которое в два раза сильнее морфина

её кровати, как часовой, и работала от электричества. Донна спала. В нашей спальне было холодно — печь не справлялась с этим воющим январским ветром, — но её впалые щеки были мокрыми от пота, а оставшиеся клочки её некогда густых волос прилипли к хрупкому изгибу черепа.

Я знал, что конец близок, и её онколог тоже это знал; он снял ограничитель с морфиновой помпы, и теперь её маленькая лампочка всегда светилась зелёным. Он строго предупредил меня, что слишком большая доза убьёт её, но не выглядел слишком обеспокоенным. Да и с чего бы беспокоиться? Рак уже сожрал большую часть её тела и теперь доедал остатки. Я сидел рядом с ней, как и большую часть времени последние три недели. Я смотрел, как её глаза двигаются туда-сюда под синюшными веками, пока она видит свои предсмертные сны. Внутри помпы был мешок, и если отключат электричество, я возьму отвертку из подвала и...

Её глаза открылись. Я спросил, как она себя чувствует и насколько сильна боль.

— Терпимо, — ответила она. Потом добавила. — Он хотел посмотреть на уток.

— Кто, дорогая?

— Тэд. Он сказал, что хочет посмотреть на уток. Кажется, это было последнее, что он мне сказал. Каких уток, как думаешь?

— Не знаю.

— Ты помнишь каких-нибудь уток? Может, когда мы водили его в зоопарк в Рамфорде?

Я не помнил, чтобы мы когда-либо водили его туда.

— Да, наверное, так и есть. Я думаю...

Она посмотрела мимо меня. Её лицо просветлело.

— Боже мой! Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!

Я повернул голову. Конечно, там никого не было, но я знал, кого она видит. Порывистый ветер завывал у карнизов и швырял снег в закрытое ставнями окно спальни с такой силой, что казалось, будто это гравий. Свет померк, затем восстановился, и где-то хлопнула дверь.

— Ты не ДЫШАЛ! — пронзительно закричала Донна.

Я покрылся мурашками с головы до пят. Кажется, мои волосы встали дыбом. Не уверен, но мне действительно так показалось. Не верилось, что у неё еще остались силы кричать, но она всегда меня удивляла. До самого конца она меня удивляла. Ветер уже проник в дом, словно грабитель, стремящийся перевернуть всё вверх дном. Я чувствовал, как он проносится под закрытой дверью спальни. В гостиной что-то упало и разбилось.

— ДЫШИ, Тэд! ДЫШИ!

Что-то ещё упало. Возможно, стул.

Каким-то образом Донна сумела приподняться на локтях, опираясь на свои руки не толще карандашей. Она улыбнулась и снова легла.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду. Да.

Словно слушаешь одну сторону телефонного разговора.

— Да. Хорошо. Прекрасно. Слава Богу, что ты жив. Что? — Она кивнула. — Буду.

Она закрыла глаза, всё ещё улыбаясь. Я вышел из комнаты, чтобы закрыть входную дверь, у которой уже лежал почти дюймовый слой снега. Когда я вернулся, моя жена была мертва. Вы можете посмеяться над мыслью, что наш сын пришел проводить ее из жизни, вы вольны это делать. Просто однажды я услышал голос своего маленького мальчика, доносящийся из его шкафчика, в то время как он умирал в дюжине миль от меня.

Я никогда никому об этом не рассказывал, даже Донне.

* * *

Воспоминания кружили и кружили. Как стервятники. Как гремучие змеи. Они клевали, жалили, не отпускали меня. Около полуночи я принял еще две таблетки просроченного "Золпидема", лег и стал ждать, когда они подействуют. Я всё еще думал о том, как покидающая этот мир Донна увидела Тэда взрослым. То, как она ушла из жизни, должно было меня успокоить, но не успокаивало. Воспоминание о ее смертном одре неизменно связывалось с моим видением, в котором мальчишки падают в яму со змеями, и возвращением в реальность, когда я обнаруживал, что моя рука ходит туда-сюда между футболками ТРУЛЯЛЯ и ТРАЛЯЛЯ. Ощущая их остатки. Их останки.

Я подумал: "А что, если я увижу их так, как Донна увидела Тэда в самом конце жизни? Что, если я действительно увижу их? Элли видела, я знаю это".

Увидев Тэда, Донна почувствовала утешение, когда она пересекала границу между жизнью и смертью. Принесет ли мне утешение, если я увижу этих мальчиков? Я сильно сомневался. Их утешитель ушел. Я был чужим. Я был... кем? Кем я был для них?

Я не хотел этого знать. Не хотел, чтобы они меня преследовали, и мне не давала уснуть мысль, что это может произойти.

Я уже начал проваливаться в сон, когда услышал ритмичное поскрипывание. Оно раздалось внезапно, и я никак не мог убедить себя в том, что это был вентилятор в гостиной Грега; звук доносился из ванной комнаты, примыкающей к спальне.

Скрип, скрип и еще раз скрип.

Я был напуган так, как может быть напуган только человек, оставшийся один в доме на краю безлюдной дороги. Но если Донна смогла противостоять бешеному сенбернару, вооруженная лишь бейсбольной битой, то я уж точно смогу заглянуть в ванную комнату. Мне даже пришло в голову, когда я включил ночную лампу и поднялся с кровати, что этот звук мне причудился. Я же вроде читал где-то, что "Золпидем" может вызывать галлюцинации?

Я подошел к двери ванной комнаты и встал там, прижавшись к стене и кусая губы. Повернул ручку и толкнул дверь. Теперь скрип стал громче. Ванная была большой. Кто-то катал коляску туда-сюда, туда-сюда.

Я протянул руку через дверной косяк, до чертиков боясь — думаю, мы всегда этого ожидаем в таких ситуациях, — что чья-то рука накроет мою. Я нащупал выключатель, возился с ним мучительно долгое время, хотя, наверное, прошло всего две или три секунды, и щелкнул им. Верхний свет был люминесцентным, красивым и ярким. В большинстве случаев свет надежно рассеивает ночные страхи. Но не в этот раз. Я по-прежнему не мог видеть ванную с того места, где стоял, но на противоположной стене я увидел большую тень, ходившую туда-сюда. Она была слишком бесформенной, чтобы с уверенностью сказать, что это та самая проклятая коляска, но я знал, что это она. И кто ее катал? Мальчики?

Как еще она могла попасть сюда?

— Мальчики, — попытался сказать я, но из горла вырвался лишь сухой шепот. Я прочистил его и попытался снова.

— Мальчики, вы здесь не нужны. Вам здесь не рады.

Я осознал, что говорю искаженный вариант "Слов против монстров", которыми когда-то успокаивал своего маленького сына.

— Это моя ванная, не ваша. Это мой дом, а не ваш. Возвращайтесь туда, откуда пришли.

А куда именно им возвращаться? В два детских гробика под землей кладбища Палметто-Гроув? Неужели их гниющие тела — их гниющие останки — маниакально катают эту коляску туда-сюда? А куски их мертвой плоти падают при этом на пол?

Скрип, скрип, скрип.

Тень на стене.

Собрав всё свое мужество, я отошел от стены и вошел в ванную комнату. Скрип прекратился. Брошенная коляска стояла перед стеклянной душевой кабинкой. Теперь на сиденьях лежали две пары черных брюк, а на спинках — два черных пиджака. Это были погребальные костюмы, предназначенные для вечного ношения.

Пока я таращился на коляску, застыв от ужаса перед этой вещью, которая ни по каким земным законам не могла здесь оказаться, звук её скрипящего колеса сменился дребезжанием. Сначала он был негромким, как будто доносился издалека, но потом стал нарастать, превратившись в звук сухих костей, трясущихся в дюжине тыкв. С душевой кабины я перевел взгляд на шикарную ванну Грега, длинную и глубокую. Она была до краев заполнена гремучими змеями. Пока я смотрел, одна маленькая, умоляющая рука поднялась из извивающейся массы и протянулась ко мне.

Я убежал.

* * *

В чувство меня вернула детская коляска.

Она стояла посреди выложенного плиткой внутреннего дворика, как и утром... только теперь её тень отбрасывалась не утренним светом, а луной, освещённой на три четверти. Я не помнил, как сбежал вниз по лестнице сломя голову в одних спортивных шортах, в которых спал, и как

выскочил через дверь во дворик. Я знаю, что прошел именно этим путём, потому что нашёл дверь открытой, когда вернулся обратно.

Я оставил коляску во дворике.

Я вернулся наверх, страшась каждого шага и убеждая себя, что это был всего лишь сон (за исключением коляски на улице; её существование было неоспоримо), но зная, что это не так. Это была не галлюцинация. Это был визит с того света. Единственная причина, по которой я не провел остаток ночи в арендованной машине с запертыми дверями, было чёткое ощущение, что визит закончился. Дом был снова пуст, не считая меня. А вскоре, сказал я себе, он станет совершенно пуст. Я не собирался больше оставаться на Раттлснейк-Ки. В конце концов, у меня имелся замечательный дом в Ньюберипорте. Из призраков там были только воспоминания о моей недавно умершей жене.

Ванная комната была пуста, как я и предполагал. В ванне не было гремучих змей, а на полу из искусственного мрамора не было видно следов от колёс. Я подошёл к галерее и посмотрел вниз на внутренний дворик, надеясь, что коляска тоже исчезла. Здесь было меньше поводов для радости. Коляска так и стояла там в лунном свете, реальная, как снег зимой.

Но, по крайней мере, она была снаружи.

Я вернулся в постель и, как бы это удивительно ни прозвучало, уснул.

* * *

На следующее утро коляска по-прежнему стояла во дворике, но на этот раз на сиденьях лежали одинаковые белые шорты. Только подойдя ближе, я заметил, что они всё же не совсем одинаковые. На одной паре шорт шли красные полоски вдоль штанин, на другой — синие. На футболках были изображены одинаковые вороны, одна по имени ХЕКЛ, другая с именем ДЖЕКЛ[128]. Я не собирался катить её обратно к дому Элли Белл. После долгой карьеры в рекламном бизнесе я съел собаку в бессмысленных занятиях. Вместо этого я поставил коляску в свой гараж.

Если вы спросите меня, не показалось ли при ярком свете утреннего солнца произошедшее ночью сном — за исключением неугомонной коляски, конечно, — то ответ будет прост: нет. Я слышал скрип и видел движущуюся тень, когда близнецы яростно катали коляску взад-вперед в ванной комнате, которая была размером почти с гостиную небольшой квартиры. Я видел ванну, полную змей.

Я подождал до девяти утра и позвонил в "Дельта Эйрлайнс"[129]. Автоответчик сообщил мне, что все агенты по бронированию сейчас заняты, и предложил подождать. Я подождал, по крайней мере, до тех пор, пока не заиграла версия песни "Лестницы в рай" в исполнении струнного оркестра "Ста коматозников", после чего сдался и позвонил в "Американ Эйрлайнс"[130]. То же

---

[128] Хекл и Джекл — пара одинаковых антропоморфных желтоклювых сорок, которые своими причудливыми выходками доставляют проблемы другим и себе, персонажи мультфильмов, созданные Полом Терри
[129] Одна из крупнейших американских авиакомпаний
[130] Одна из крупнейших американских авиакомпаний

самое. ДжетБлю[131] — аналогично. У "Саутвест Эйрлайнс"[132] был рейс до Кливленда в четверг, но не было стыковочного рейса до Бостона, хотя агент сказал, что всё может измениться. Из-за этого коронавируса все сошли с ума.

Я забронировал билет до Кливленда, решив, что если не будет стыковочного рейса, я возьму напрокат машину, чтобы доехать до Бостона, а потом на такси добраться до Ньюберипорта. К тому времени было уже девять тридцать. Я прекрасно помнил о коляске, стоящей в моём гараже. Она жгла мне душу, как горячий камень в кармане.

Я зашёл на сайт "Херц"[133] на своём телефоне и снова был переведен в режим ожидания. То же самое было с "Эйвис"[134] и "Энтерпрайз"[135]. Агент, ответивший на звонок в "Баджите", порылся в своем компьютере и сообщил, что у них нет доступных машин для одностороннего проката в Кливленде. Оставались "Амтрак"[136] и автобусные линии, но к тому времени я был расстроен, разочарован и устал прижимать телефон к уху. Я всё время думал о коляске, футболках и детских чёрных погребальных костюмах. Свет жаркого августовского солнца не поднимал настроения. Чем больше закрывались мои возможности уехать, тем сильнее я хотел выбраться из дома Грега и уехать подальше от дома Элли Белл. Место для душевного восстановления у безмятежного побережья превратилось тюрьму.

Я взял чашку кофе, прошёлся с ней по кухне, пытаясь обдумать свои дальнейшие действия, но в голову не приходило ничего, кроме коляски (скрип), одинаковых футболок (скрип) и чёрных похоронных костюмов (скрип). Гробики тоже были одинаковыми. Белые, с золотыми ручками. Я знал это.

Я выпил чёрный кофе, и в голову пришла ещё одна мысль: ночные визиты, возможно, и закончились, но преследования всё еще продолжались.

Четверг. Я сосредоточился на нём. В четверг у меня был рейс, по крайней мере, до Кливленда. Осталось три дня.

А до тех пор надо уехать с острова. Сделать хотя бы это. Смогу ли я?

Сначала я думал, что смогу. Как два пальца об асфальт. Я схватил телефон, нашёл номер "Баррис Ризорт-отель" в Палм-Виллидж и позвонил. Наверняка, у них найдётся номер, где я смогу остановиться на три ночи; разве по новостям не говорили, что этим летом мало кто путешествует? Они примут меня (скрип) с распростёртыми объятиями!

Мне ответили коротким и емким автосообщением: "Спасибо за звонок в "Баррис Ризорт-отель". Мы закрыты до дальнейших уведомлений".

Затем я позвонил в "Холидей Инн Экспресс" в Венеции[137], и мне сообщили, что они открыты, но новых гостей не принимают. "Мотель 6" в Сарасоте вообще не ответил. В качестве последнего

---

[131] Американская бюджетная авиакомпания (лоукост)
[132] Американская бюджетная авиакомпания
[133] Американская компания по прокату автомобилей
[134] Эйвис — международная компания, оказывающая услуги проката автомобилей
[135] "Энтерпрайз" — американское агентство по прокату автомобилей
[136] "Амтрак" — американская железнодорожная компания, занимающаяся пассажирскими перевозками
[137] Венеция — город в округе Сарасота, Флорида

варианта (скрип) я позвонил в "Дейз Инн"[138] в Брадентоне. Да, сказали мне, у них есть свободные номера. Да, я могу забронировать номер при условии, что пройду проверку температуры и буду носить маску. Я зарезервировал номер, хотя Брадентон находился в сорока милях и двух округах отсюда. Затем я вышел на улицу подышать свежим воздухом перед тем, как начать паковаться. Я мог бы пройти через гараж, но выбрал дверь во внутренний дворик. Я не хотел лишний раз смотреть на коляску, а тем более смазывать скрипящее колесо. Близнецам это могло бы не понравиться.

Я стоял у бассейна, когда ослепительно блестящий на летнем солнце пикап подъехал по дорожке и остановился во дворе, именно там, где я оба раза находил эту проклятую коляску. Вышедший из машины мужчина был одет в тропическую рубашку с попугаями, очень просторные шорты цвета хаки и соломенную шляпу, которую могут носить только коренные жители побережья Мексиканского залива во Флориде. У него было морщинистое, загорелое лицо и огромные усы, как у моржа. Он увидел меня и помахал рукой.

Я спустился по ступенькам, протягивая ему руку. Я был рад его видеть. Это разорвало повторяющийся цикл мыслей в моей голове. Я был практически уверен, что знаю, кто это: Супердедуля.

Вместо рукопожатия он предложил мне локоть. Я слегка стукнул его своим, думая, что теперь это новая реальность.

— Энди Пелли. А вы — мистер Трентон.

— Верно.

— У вас же нет ковида, мистер Трентон?

— Нет. А у вас?

— Чист, как стеклышко, насколько мне известно.

Я улыбался, как идиот, и почему? Потому что был счастлив его видеть. Счастлив не думать о чёрных костюмах, белых гробах и скрипящих колёсах.

— Вы знаете, на кого похожи?

— О Боже, ещё бы. Мне это постоянно говорят. — Затем с улыбкой под усами и блеском в глазах он изобразил Уилфорда Бримли[139]. — Овсяные хлопья "Куокер"! Прекрасный выбор!

Я рассмеялся от восторга.

— Идеально! В точку! — Я болтал без умолку, но ничего не мог с собой поделать. — У них была очень хорошая рекламная кампания, и я могу так говорить, потому что...

— Потому что вы раньше работали в рекламном бизнесе. — Он по-прежнему улыбался, но я понял, что ошибся насчёт блеска в его голубых глазах. Это был, скорее, оценивающий взгляд. Взгляд полицейского. — Это ведь вы занимались кашами Шарпа?

---

[138] "Дейз Инн" — сеть отелей со штаб-квартирой в США

[139] Уилфорд Бримли — американский актёр и певец, рекламировавший овсяные хлопья "Куокер"

— Давным-давно, — ответил я, подумав: "Он нарыл информацию про меня в Интернете. Провёл небольшое расследование. Зачем — не знаю. Неужели он думает, что я..."

— У меня к вам есть несколько вопросов, мистер Трентон. Может, зайдём внутрь? Здесь ужасно жарко. Похоже, холодный фронт ушёл, как синие замшевые туфли[140].

— Конечно. И зовите меня Виком.

— Вик, Вик, понял.

Я хотел провести его по ступенькам во внутренний дворик, но он уже направился к гаражу. Он остановился, когда увидел коляску.

— Хм. А Престон Зейн говорил мне, что вы вернули её в гараж миссис Белл.

— Вернул. Но кто-то опять прикатил ее сюда. — Я хотел протараторить ему, что не знаю, почему такое происходит, понятия не имею, почему коляска преследует меня, как дурной запах (если бы дурной запах мог скрипеть, конечно), но на его загорелое лицо вернулся оценивающий взгляд, и я заставил себя замолчать.

— Хм. Две ночи подряд. Надо же.

Его глаза говорили, насколько это неправдоподобно звучит, спрашивали, не вру ли я, есть ли у меня причина лгать, что-то скрывать. Я не лгал, но мне определенно было что скрывать. Потому что я не хотел, чтобы меня сочли сумасшедшим. Или считали человеком, имеющим отношение к смерти Элли Белл, как "лицо, представляющее интерес". Но это было нелепо. Не так ли?

— Почему бы нам не зайти внутрь охладиться, Вик?

— Хорошо. Я приготовил кофе, если вы...

— Не-а, в последнее время кофе гоняет меня в туалет. Но я бы не отказался от стакана холодной воды. Может быть, даже с кубиком льда. Вы точно не заболели? Вы немного бледны.

— Нет. — Не так, как он думал.

* * *

Пелли не стал рисковать. Он достал маску из своих объёмных шорт и надел её, как только мы зашли в дом. Я принес ему воду со льдом и налил себе ещё кофе. Я подумал о том, чтобы надеть свою маску, но решил этого не делать. Мне хотелось, чтобы он видел моё лицо целиком. Мы сели за кухонный стол. Каждый раз, когда он делал глоток воды, он опускал маску, а затем возвращал её на место. Усы делали её выпуклой.

— Как мне известно, это вы нашли тело миссис Белл. Должно быть, испытали шок.

— Да, испытал. — Чувство облегчения от того, что в моем особняке с привидениями появился человек и составил мне компанию, сменялось чувством настороженности. Возможно, этот

---

[140] Песня Карла Перкинса

парень являлся членом клуба "10-42", но Зейн был прав: он был острый и сметливый. Я почувствовал, что меня ждет допрос, а не визит вежливости.

— Буду рад рассказать вам, как я нашёл её и что там было, но раз уж вы здесь, мне кое-что интересно.

— И что же? — Он смотрел мне прямо в глаза. От уголков его глаз расходились мимические морщины улыбки, но сейчас они не особо проявлялись.

— Офицер Зейн сказал, что вы давно здесь живёте.

— С каменного века, — сказал он, отпивая воду, вытирая усы своей здоровенной рукой и возвращая маску на место.

— Я слышал о гремучих змеях, которые убили близнецов миссис Белл. Мне любопытно, как от них избавились. Вы знаете?

— О, ещё бы. — Впервые он, казалось, расслабился. — Конечно, знаю, ведь я участвовал в той охоте на змей. В ней участвовал каждый коп в округе, который не был на дежурстве, и еще куча парней и даже несколько женщин. Нас было, наверное, сотня. А может, и больше. Настоящая островная вечеринка, только никто не веселился. Был жаркий день, намного жарче сегодняшнего, но все мы были в сапогах, длинных штанах, рубашках с длинными рукавами, перчатках, масках, вроде той, что на мне сейчас. И вуалях.

— Вуалях?

— Некоторые из них были вуалями пчеловодов, другие были из той ткани — тюль, наверное, — которую женщины носят на своих праздничных шляпках. По крайней мере, носили в старые времена. Потому что, видите ли... — Он наклонился вперёд, глядя мне прямо в глаза, и как никогда был похож на Уилфорда Бримли. — Видите ли, змея иногда встает на дыбы. Если она достаточно напугана, конечно. И вместо того, чтобы впрыснуть яд, она его распыляет. Если он попадёт вам в глаза... — Он махнул рукой. — Практически прямиком в мозг. Спокойной ночи, всего доброго. — И затем, не делая паузы, добавил. — Я вижу, ваш полуночный гость принёс и палку от змей миссис Белл.

Он хотел застать меня врасплох, и у него это получилось.

— Что?

— Видел её в гараже, прислонённой к задней стенке. — Он не сводил с меня взгляда, ожидая, что я отведу глаза или что-то выдам. Я не отвел взгляд, но моргнул. Не смог удержаться.

— Вы, должно быть, ее не заметили.

— Я... да. Наверное... — Я не знал, как закончить фразу, поэтому просто пожал плечами.

— Я узнал ее сразу по маленькому серебряному колечку на ручке. Дама ходила с ней почти везде, по крайней мере, на острове. Многие люди на Раттлснейк-роуд и за разводным мостом в Виллидж тоже знали ее.

— И коляску, — сказал я.

— Да, она любила гулять с коляской. Иногда разговаривала с ней. Разговаривала с теми умершими мальчиками. Я сам видел это.

— Я тоже.

Он ждал. Я подумал, не рассказать ли, что прошлой ночью эта коляска стояла в моей ванной и мёртвые близнецы катали её.

— Вы спрашивали о змеях. — Он отпил воды и вытер усы ладонью. Маска вернулась на место. — Великая змеиная кампания восемьдесят второго или восемьдесят третьего. Год точно не помню. Или, быть может, вы уже узнали это, Вик?

Я покачал головой.

— Ну, те из нас, у кого не было палок от змей, вооружились бейсбольными битами, ковровыми выбивалками и теннисными ракетками. Всем, чем можно хлестать кусты. А еще взяли рыболовные сети. На Заливе в этом недостатка нет. Все острова на западном побережье узкие, а этот — уже большинства. С одной стороны — залив, с другой — Калипсо-Бей. В самой широкой точке — всего шестьсот ярдов, и это у разводного моста. Этот край, куда перебрались гремучки, когда на юге началось строительство, примерно вдвое меньше. Отсюда видно и залив, и бухту, верно?

— С бокового двора — да.

— Этого дома тогда еще не было. Только пальметто, пляжная наупака — змеи ее обожали — и сосны. И множество кустов, названий которых я даже не знаю. Мы растянулись в линию от залива до Калипсо и пошли на север, продираясь сквозь кусты, волоча за собой сети и колотя по земле. У змей не очень хороший слух, но они чувствуют вибрации. Они знали, что мы идём. Было видно, как шевелится листва, особенно наупака. Для них, наверное, это было, как землетрясение. И когда мы подошли к концу острова, где заканчивается зелень, мы увидели их. Эти гады были повсюду. Казалось, что движется земля. Трудно было поверить. И это дребезжание. Я до сих пор слышу его.

— Как сухие кости в тыкве.

Он посмотрел на меня пристально.

— Точно. Откуда вы это знаете?

— Видел их в зоопарке Франклин-парка, — я произнес эту ложь с честным лицом. — Это в Бостоне. Ну, и по телевизору.

— Хорошо подмечено. Только это были десятки, может, сотни тыкв и целое кладбище костей.

Я вспомнил о большой ванне Грега. И о ручонке, поднимающейся из извивающейся, корчащейся массы.

— Вы бывали на северном конце острова, Вик?

— Ходил туда буквально на днях.

Он кивнул.

— Я не ходил туда пешком со времен охоты на змей, но много раз видел это место на рыбалке. За последние сорок с лишним лет остров сильно изменился, его чудовищно застроили, но северная часть сейчас такая же, как и тогда. Пляж из ракушек, похожий на большой неправильный треугольник, я прав?

— Именно так, — ответил я.

Он кивнул. Маска спущена. Глоток воды. Маска поднята.

— Вот туда мы загнали змей, и им больше некуда было ползти, кроме как на Дейлайт-Пасс. Можно сказать, спиной к воде, хотя у змей с любой стороны спина, не так ли? Пол-акра пляжа было усеяно ими. Ракушек вообще не было видно, разве что на долю секунды, когда змеи двигались, покачивая хвостами. Они ползали друг по другу. Яда в этих змеях хватило бы, чтобы запросто убить половину населения Тампы.

— К нам прибыла куча пожарных со станции в Палм-Виллидж и еще больше с Нокомиса. Большие крепкие ребята. Другие не смогли бы таскать на своих спинах двадцатигаллоновые ранцевые огнетушители "Смоукчейзер". Их раньше называли индейскими насосами. Эти штуки больше предназначены для борьбы с лесными пожарами, которых у нас много, но в тот день в них была не вода. Они были наполнены керосином. Когда мы загнали змей в тупик — большинство змей, потому что люди еще месяцами после этого встречали выживших, — те ребята опрыскали их как следует. Потом мой старый друг Джерри Гант, начальник пожарной охраны Палм-Виллидж, которого уже давно нет в живых, зажёг пропановую горелку "Бернзоматик" и швырнул её в змей. Эти гремучки вспыхнули в пламени, и пошла такая вонь — о Боже, она была ужасной, и я потом не мог вывести ее со своей одежды. Никто из нас не мог. Мыть было бесполезно. Одежду пришлось сжечь, как змей.

Он на мгновение замолчал, не отрывая взгляда от своего стакана с водой. Он словно забыл причину, по которой сюда пришел, сейчас его здесь не было. Он видел тех горящих гремучих змей и чувствовал их смрад, пока они извивались и корчились в огне.

— Дьюма тогда ещё существовала, и часть змей уплыла туда. Может, некоторые даже доплыли, но большинство утонуло. Не знаю, заметили ли вы водоворот там, где вода из бухты встречается с водой из залива...

— Я видел его.

— Тот водоворот... тот вихрь... тогда был сильнее, потому что вода проникала туда с гораздо большей силой. Держу пари, там, где вода закручивается, глубина составляет шестнадцать футов, а может, и больше. К тому же в тот день был отлив, что увеличило поток из залива. Мы видели, как змеи вращались в том водовороте, некоторые при этом ещё горели... Вот такой, Вик, была Великая охота на змей восемьдесят-какого-то года.

— Впечатляющая история.

— А теперь расскажите свою. О том, как вы узнали про Алиту Белл и как вы её нашли.

— Я её совсем не знал и видел всего дважды. Живую, я имею в виду. Во второй раз она принесла мне овсяное печенье с изюмом. Мы съели несколько штук за этим самым столом. Запивали их молоком. Я поздоровался с близнецами.

— Правда?

— Может, это звучит странно, но мне не показалось это странным. Это была простая вежливость. Потому что во всём остальном она казалась мне совершенно здравомыслящей. На самом деле... — Я нахмурился, пытаясь вспомнить. — Она сказала, что знала, что их там нет.

— Хм.

А не говорила ли она также "И всё же они здесь"? Вроде говорила, но я точно не помнил. Если она так сказала, то была права. Я в этом сам убедился.

— И кто-то прикатил эту коляску сюда. Не один раз, а дважды.

— Да.

— Но вы никого не видели.

— Не видел.

— Никого не слышали.

— Не слышал.

— И не заметили, чтобы включались датчики движения? Потому что я знаю, что Акерман их установил.

— Не заметил.

— И не вы принесли сюда палку от змей?

— Не я.

— Расскажите, как вы нашли миссис Белл.

Я рассказал, в том числе и о том, как бросал ракушку (возможно, не одну, я был расстроен и больше не был уверен), чтобы отвадить стервятников от ее тела.

— Всё это я рассказал офицерам Зейну и Канавану.

— Я знаю. Это есть в их отчёте. Если, конечно, не считать того, что коляска появилась у вас во второй раз. Это называется новой информацией.

— Ничем не могу помочь вам. Я спал.

— Хм. — Он опустил маску. Допил воду. Маска снова вернулась на место. — Пит Ито сказал, что вы планируете оставаться здесь до сентября, мистер Трентон.

От меня не укрылось, что он разговаривал с мистером Ито. Не ускользнуло от меня и то, что он обратился ко мне по фамилии.

— Планы изменились. Видите ли, мёртвая женщина, которую клюют стервятники, может заставить пересмотреть свои планы. На сегодняшний вечер у меня забронирован номер в

"Дейз Инн" в Брадентоне, а в четверг я вылетаю из Тампы в Кливленд. Как я доберусь до своего дома в Массачусетсе — ума не приложу. В Америке сейчас творится полный дурдом.

Дурдом. Это слово прозвучало с большим нажимом, чем я хотел.

— Дурдом сейчас по всему миру, — сказал Пелли. — Зачем вы вообще приехали сюда летом? Так мало кто делает, если только у них нет бесплатных купонов от "Дисней Уорлд".

Если он общался с Питом Ито, то знает, почему я сюда приехал. Да, без сомнений, это был допрос.

— Недавно умерла моя жена. Я пытался здесь оправиться от этого.

— И вы... что? Чувствуете, что уже оправились?

Я пристально посмотрел на него. Он больше не был похож на Уилфорда Бримли. Он начал меня сильно напрягать.

— В чём дело, помощник шерифа Пелли? Или мне следует называть вас мистер Пелли? Как я понял, вы на пенсии.

— Полупенсии. Сейчас не детектив, но помощник шерифа на полставки со всеми полномочиями. И вам придется отменить ваши планы улететь отсюда. — Сделал ли он лёгкое ударение на слове "улететь"? — Уверен, что деньги за отменённый рейс вернут на вашу карту. И за номер в мотеле тоже. Думаю, вы могли бы поехать в "Барри" в Виллидж, но...

— "Барри" закрыт. Я пробовал. Что...

— Но знаете что, мне было бы спокойнее, если бы вы остались здесь до вскрытия тела миссис Белл. То есть, мистер Трентон, управлению шерифа округа было бы спокойнее.

— Не думаю, что вы сможете меня удержать.

— На вашем месте я бы не стал это проверять. Просто дружеский совет.

И тут я услышал это, слабо, но отчетливо: скрип-скрип-скрип.

Я сказал себе, что не слышал этого. Сказал себе, что этого не может быть. Сказал себе, что я не герой рассказа "Коляска-обличитель"[141].

— Еще раз, мистер Пелли... помощник Пелли... в чём дело? Вы ведёте себя так, будто женщина была убита, а я подозреваемый.

Пелли был невозмутим.

— Вскрытие, скорее всего, покажет, как она умерла. Скорее всего, это снимет с вас подозрения.

— Я и понятия не имел, что нахожусь под подозрением.

— Имеются, можно сказать, некоторые осложняющие факторы. Я нашёл это на кухонном столе, когда был у неё сегодня в шесть часов утра.

---

[141] Отсылка к рассказу Эдгара Аллана По "Сердце-обличитель"

Он покопался в своём телефоне, затем передал его мне. Он сделал фотографию белого делового конверта. На нём аккуратным почерком было написано "Вскрыть в случае моей смерти" и "Алита Мари Белл".

— Конверт не был запечатан, поэтому я открыл его. Перейдите к следующей фотографии.

Я перешёл. Записка, которая лежала в конверте, была написана тем же аккуратным почерком. И дата наверху...

— Это на следующий день после того, как мы ели печенье с молоком!

Скрипы доносились снизу, из гаража. И как полицейские в рассказе По, Пелли, похоже, не слышал их. Но он был пожилым человеком, и, возможно, с нарушенным слухом.

— Неужели?

— Да, мы мило побеседовали. — Я не стал рассказывать ему о том, как Элли отправила Джейка и Джо поиграть в кабинет Грега, а позже я нашёл перевёрнутую плетеную корзину с игрушками для кошек. Это было последнее, что я рассказал бы этому глазастому (но, возможно, тугоухому) человеку. И уж тем более я не стал рассказывать ему, что общался с близнецами сам. "Привет, Джейк. Привет, Джо, что нового?"

Это было безобидное подыгрывание грустным фантазиям старой леди. Так я думал, но кто знает, может, я открыл дверь призракам?

— Читайте дальше.

Я прочитал. Текст был коротким и неформальным.

"Это моя последняя воля и завещание, отменяющее все предыдущие завещания. Что глупо, потому что в моём случае других не было. Я в здравом уме, хотя тело уже не то. Я оставляю этот дом, мой банковский счёт в "Фёст Сан Траст", мой инвестиционный счёт в ООО "Билдинг Зе Фьюче" и всё остальное материальное имущество ВИКТОРУ ТРЕНТОНУ, проживающему в настоящее время по адресу: Раттлснейк-роуд, 1567. Мой адвокат, с которым я не консультировалась, когда писала данное завещание, — Натан Резерфорд в Палм-Виллидж.

Подпись,

Алита Мари Белл"

Ниже другим почерком была поставлена ещё одна подпись: Роберто М. Гарсия, свидетель.

Я забыл про скрип из гаража (а может, он прекратился). Я во второй раз перечитал ее предсмертное письмо (а как еще его назвать). В третий раз. Затем толкнул телефон Пелли обратно через стол, чуть сильнее, чем следовало бы. Он поймал его, как хоккейную шайбу, загорелой и морщинистой рукой.

— Это дурдом.

— Вам так кажется?

— Я видел ее всего дважды. Трижды, если считать тот раз, когда нашел ее мертвой.

— Не знаете, почему она оставила вам всё?

— Нет. И, знаете, эта... эта записка... в суде она будет ничтожна. Ее родственники взбунтуются, но им не придется этого делать, потому что я не стану оспаривать.

— Роберто Гарсия владеет компанией "Плант Уорлд". Они ухаживали за ее участком.

— Да, я видел их грузовики у нее во дворе.

— Бобби Джи тоже живет здесь с каменного века. Если он говорит, что видел, как она это писала — а я с ним разговаривал, и он сказал: да, видел, хотя она закрыла текст рукой, когда он подписывал, поэтому он не знал, что было написано, — то я ему верю.

— Это ничего не меняет. — Мой голос звучал нормально, но всё лицо онемело, словно мне сделали укол новокаина. Сверхстранное ощущение. — Этот адвокат свяжется с ее родственниками, и...

— Я также поговорил с Нейтом Резерфордом. Знаю его...

— С каменного века, уверен. Вы очень деятельны, помощник Пелли.

— Я многое успеваю, — произнес он не без удовлетворения. — Он был адвокатом миссис Белл... — Казалось, он хотел вновь использовать "с каменного века", но решил, что хватит. — ...на протяжении десятилетий. Он практически взял на себя все её дела после смерти мужа и сыновей. Она была, как говорится, убита горем. И знаете что? Он говорит, что у нее нет родственников.

— У всех есть родственники. Донна, моя покойная жена, утверждала, что ее род восходит к Марии Стюарт, также известной как Мария, королева...

— Королева Шотландии. Я учился в школе, мистер Трентон, в те времена, когда телефоны были дисковыми, а машины ездили без ремней безопасности. Я спросил Нейта, во сколько может оцениваться состояние этой леди, и он отказался говорить. Но учитывая имущество (от бухты до залива), я бы сказал, что это довольно лакомый кусок.

Я поднялся, ополоснул кофейную чашку и наполнил её водой. Дал себе время подумать. Прислушался к коляске, но всё было тихо.

Я вернулся к столу и сел.

— Вы всерьёз полагаете, что я каким-то образом заставил леди написать это потешное завещание... а затем... что? Убил её?

Его глаза сверлили меня.

— Заметьте, вы это озвучили, мистер Трентон, не я. Но раз уж вы это сказали... вы сделали это?

— Боже милостивый, нет! Я разговаривал с ней дважды! Я поддержал её маленькую фантазию! А потом нашёл её мёртвой! Скорее всего, от сердечного приступа — она говорила, что у неё была аритмия.

— Нет, я не верю, что вы ее убили, именно поэтому не прошу вас дать официальные показания. Но вы же понимаете, в какое положение это ставит меня, департамент? Прямо перед смертью леди пишет от руки завещание, заверяет его, а человек, совершенно ей незнакомый, который находит её тело, оказывается главным бенефициаром.

— Она, должно быть, сошла с ума не только по поводу своих детей, — пробормотал я, и в моей голове всплыла песня, которую упомянул офицер Зейн, "Дельта Дон".

— Возможно, да, возможно, нет. В любом случае вскрытие, вероятно, уже проводится. Оно что-то прояснит. А потом вам, конечно, придётся дать показания. Официальные.

У меня сжалось сердце.

— Когда?

— Наверное, не раньше, чем через пару недель. Это будет по видеосвязи. "Фейстайм", "Зум" — я в этом не разбираюсь. Я едва научился пользоваться этим телефоном.

Я не поверил ему ни на грош.

— В любом случае, будет хорошо, если вы останетесь, Вик. — Теперь моё имя звучало как ловушка. — На самом деле, я вынужден настаивать. В нынешних условиях, когда в стране бушует ковид, вам, вероятно, безопаснее будет оставаться здесь, в изоляции. Вы так не считаете?

Возможно, именно тогда я начал понимать, что сделала Алита Белл, хотя это не сложится в единый пазл до вечера.

А может, это была не она. Я вспомнил Донну в ту последнюю ночь. Как она смотрела мимо меня и как в последний раз засветились её умирающие глаза. "Боже мой", — сказала она. — "Ты так вырос!"

Дети не могут строить планы. А вот взрослые...

— Вик?

— А?

Морщинки в уголках его глаз увеличились.

— Витаете в облаках?

— Нет, я здесь. Просто... перевариваю.

— Да, переварить нужно много чего. И мне тоже. Как в одном из тех детективных романов. Думаю, вам лучше придерживаться своего первоначального плана. Оставайтесь тут до сентября. Гуляйте по утрам или в прохладе вечера. Поплавайте в бассейне. Нам нужно разобраться в этом, если получится.

— Я подумаю.

Морщинки исчезли.

— Подумайте хорошенько, а пока думаете, оставайтесь в округе. — Он поднялся и подтянул поясок на своих шортах. — Думаю, я отнял у вас достаточно времени.

— Я провожу вас.

— Нет необходимости, я сам найду выход.

— Я провожу вас, — повторил я, и он поднял руки, как бы говоря: пусть будет по-вашему.

Мы начали спускаться по лестнице в гараж. На полпути он остановился и спросил с нужной долей любопытства и сочувствия:

— От чего умерла ваша жена, Вик?

Это был вполне обычный вопрос, и не было причин полагать, что он хочет выискать что-то подозрительное, но я догадывался, что было у него на уме. И не только в подсознании.

— От рака, — ответил я.

Он спустился по лестнице.

— Примите мои соболезнования.

— Спасибо. Вы отвезете коляску в дом Беллов? Её можно положить в кузов вашего пикапа. — Я хотел избавиться от неё.

— Ну, да, — согласился он, — можно. Но какой в этом смысл? Она может вернуться снова, если этот... шутник... решит продолжить над вами шутить. Патрульная машина объезжает Раттлснейк-роуд раз или два за ночь, но всё равно остается много "мертвого времени". К тому же несколько офицеров заболели коронавирусом. Может, проще оставить её здесь.

"Он не верит в шутника", — подумал я. — "Он думает, что это был я. Оба раза. Он не может понять, зачем я это делаю, но именно так он считает".

— А как насчёт отпечатков пальцев?

Он почесал свой затылок, покрытый швами и сильно загорелый.

— Да, можно попробовать, у меня в пикапе есть набор для снятия отпечатков, но мне придётся сделать копии всех отпечатков, которые я уже снял, а я могу всё испортить. Руки уже не так тверды, как раньше.

Я этого не заметил.

Он оживился.

— А знаете что? Я могу снять отпечатки хотя бы с этих хромированных прутьев и сделать фотографии на свой телефон, если что-то найду. Нет смысла пробовать рукоятки, они резиновые, а те маленькие ручки сбоку от сидений — тканевые. Но эти металлические перекладины идеально подходят для отпечатков. Зейн или Канаван прикасались к ним?

— Не уверен, но думаю, что прикасался только я. И Элли Белл, конечно.

Он кивнул. В этот момент мы все ещё стояли у подножия лестницы. В гараж мы еще не входили.

— Так что я могу найти два набора отпечатков — ваши и миссис Белл. Хотя это маловероятно. Большинство людей использует резиновые рукоятки.

— Мне кажется, я наклонился и приподнял коляску, чтобы преодолеть порог её гаража. Если это так, то я мог обхватить руками эти прутья чуть ниже ручек. Возможно, вы не найдете отпечатков пальцев, но отпечатки ладоней будут.

Он кивнул, и мы вошли в гараж Грега. Он направился на улицу, чтобы взять свой набор для снятия отпечатков, но я схватил его за локоть.

— Смотрите, — сказал я и указал на коляску.

— Что с ней?

— Её передвинули. Когда я прикатил её со двора, то поставил её с водительской стороны машины. А теперь она — с пассажирской стороны.

Значит, скрип был неслучаен.

— Точно не помню.

Его нахмуренный лоб — вертикальная морщина между бровями была такой глубокой, что я не мог разглядеть её дна — говорил мне, что он прекрасно помнил, но не хотел в это верить.

— Энди. — Я намеренно использовал его имя, старый рекламный трюк, который применял, когда споры становились жаркими. — Вы так давно работаете полицейским, что наблюдение вошло в привычку. Эта коляска была в тени. Теперь она стоит с другой стороны машины и на солнце.

Он задумался и покачал головой.

— Не могу сказать точно.

Я хотел заставить его признать это, хотел сказать ему, что слышал скрип колеса, когда коляску передвигали, даже если он этого не слышал, хотел потрясти его за руку, которую держал. Но вместо этого отпустил его. Это было очень сложно сделать. Но я не хотел, чтобы он счел меня сумасшедшим... и если он думал, что это я перемещаю коляску по ночам между домом Беллов и домом Грега, он уже наполовину пришёл к такому выводу. А ещё было это странное, написанное от руки завещание Элли Белл. Действительно ли он верил, что мы с Элли были едва знакомы и встречались всего дважды? Поверил бы в это я сам?

Мне подумалось, что вопросы только начинаются.

— Я принесу свой набор, — сказал Пелли. — Хотя не надеюсь на успех.

* * *

Через десять или пятнадцать минут он уехал на своем пикапе, еще раз напомнив мне, чтобы я не покидал пределов округа, и сказав, что это будет очень плохой идеей. Он сообщил, что со мной свяжется либо он сам, либо один из штатных детективов округа после вскрытия.

Это был длинный день. Я пытался задремать, но не смог. Несколько раз мне чудилось, что я слышу скрип колеса, и я спускался в гараж. Коляска не сдвигалась с места. Меня это не удивило. Я слышал этот звук, когда Пелли сидел за моим кухонным столом; он был реальным. Позже это стало чем-то другим. Воображение, скажете вы, но это было не так. Не совсем. Я подумал, что так меня дразнят. Можете верить в это или нет, но я был в этом уверен.

Нет, я знал.

Один раз, когда я услышал этот скрип (не настоящий, но реальный в моей голове) и спустился в гараж, мне показалось, что я увидел тени змей на стене. Я крепко зажмурил глаза, а затем открыл их. Тени исчезли. Их не было там, но они были. Теперь там была только коляска, стоящая в лучах солнца на цементном полу гаража и отбрасывающая свою нормальную тень.

Около полудня, поедая бутерброд с куриным салатом, я подумал о том, чтобы всё-таки смазать это скрипучее колесо — на рабочем столе в другом гаражном отсеке стояла банка с маслом "Три-в-одном", — и решил не делать этого. Мне не нравилась идея прикасаться к коляске, но я бы выдержал; у меня не было истерии или фобии по этому поводу. Просто я вспомнил старую басню Эзопа о мышах, которые нацепили колокольчик на кота. Зачем они это сделали? Потому что хотели слышать его приближение.

Я чувствовал то же самое по отношению к коляске. Особенно после того, как Пелли снял отпечатки пальцев с хромированных стержней и ничего не обнаружил — даже случайных пятен и пылинок. "Думаю, что ее протерли. Ваш шутник".

Смотря прямо мне в глаза, когда говорил это.

* * *

Вечером я обошел весь Раттлснейк-Ки и дошел до разводного моста. Для старика это была долгая прогулка, но мне было о чём подумать. Для начала я снова задал себе вопрос, не сошёл ли я с ума. Ответ был категоричным — "нет". Змеи в ванне и тянущаяся рука могли быть галлюцинацией, вызванной стрессом (я в это не верил, но допускал такую возможность). С другой стороны, в ванной комнате была коляска. Я видел лишь её тень, но звук её скрипящего колеса узнавался безошибочно. А когда она стояла в гараже, она перемещалась. Я это слышал. Не думаю, что это слышал Пелли, но он знал, что она находилась в другом месте, хотя и не хотел признаваться в этом мне (и, вероятно, самому себе).

Подъёмный мост работал круглосуточно. В тот вечер его обслуживал Джим Моррисон ("Не из Дорз"[142], — любил он всегда повторять), который, наверное, был старше нас с Пелли. Мы немного поболтали — о погоде, предстоящих выборах, о том, как из-за ковида опустели бейсбольные стадионы, на трибуны которых теперь устанавливают картонные фигуры вымышленных людей. Потом я спросил его о миссис Белл.

---

[142] "Дорз" — американская рок-группа, лидером которой был вокалист Джим Моррисон

— Это ведь вы её нашли? — спросил Джим. Мы стояли возле его маленькой будки, в которой были телевизор, потёртое кресло и туалетная кабинка. На нем был жёлтый светоотражающий жилет и красная кепка с надписью "РАТТЛСНЕЙК-КИ" на козырьке. Из угла его морщинистого рта торчала зубочистка.

— Да.

— Бедная женщина. Бедная старая душа. Она так и не смогла смириться с потерей своих мальчуганов. Катала ту коляску повсюду.

Это было прекрасным поводом задать вопрос, который меня волновал.

— Думаете, она и вправду верила, что мальчики были в ней?

Он почесал заросший щетиной подбородок, обдумывая ответ.

— Трудно сказать, но думаю, что верила, по крайней мере, иногда. Может, даже почти всегда. Наверное, она заставила себя поверить в это. А это, на мой взгляд, игра с огнём.

— Почему вы так считаете?

— Потому что лучше смириться с утратой и жить дальше с затянувшимся шрамом на душе.

Я ждал, что он скажет ещё что-то, но он молчал.

— Вы участвовали в большой охоте на змей после смерти близнецов? Энди Пелли рассказал мне эту историю.

— О да, я был там. И по сей день чувствую запах горящих гремучек. И знаете что? Иногда мне кажется, что я их вижу, особенно в это время суток. — Он перегнулся через перила и выплюнул зубочистку в Мексиканский залив. — Сумерки, сумерки. В сумерках реальные вещи кажутся тоньше, кажутся менее осязаемыми, по крайней мере, для меня. Жена мне говорила, что с такими мыслями мне следовало стать поэтом. Когда появляются звёзды, всё приходит в норму. Сегодня вечером я увижу много. Я работаю до двенадцати, потом заступит Патриция.

— Не думаю, что будет много лодок в это время года, особенно ночью.

— О, вы сильно удивитесь. Посмотрите туда. — Он указал на луну, которая только-только взошла и серебрилась на воде. — Людям нравятся водные прогулки при луне. Сплошная романтика. Когда луна темна, это уже другое дело, по крайней мере, летом. Тогда в основном здесь катера береговой охраны. Или ДЕА[143]. Эти ребята всегда спешат. Думают, что от их гудков этот старый мост будет открываться быстрее.

Мы поговорили ещё немного, а потом я сказал, что мне пора возвращаться.

— Да, – произнес Джим. — Долгая прогулка для человека в годах. Но луна будет освещать вам путь.

Я пожелал ему доброго вечера и направился обратно через мост.

[143] Управление по борьбе с наркотиками

— Вик?

Я обернулся. Он стоял, прислонившись к своей маленькой будке и скрестив руки на жилете.

— Через две недели после смерти жены я спустился посреди ночи за стаканом воды и увидел её, сидевшую за кухонным столом в своей любимой ночной рубашке. Кухонный свет не горел, и в комнате царил полумрак, но это была она, сто процентов. Я готов поклясться в этом перед Всемогущим Богом. Затем я включил свет, и... — Он поднял руку со слегка сжатыми пальцами и разжал их. — Исчезла.

— Я слышал голос своего сына после его смерти. — Мне показалось совершенно уместным поделиться этим после того, что рассказал Джим. — Раздавался из шкафа. И я тоже готов поклясться в этом.

Он лишь кивнул, пожелал мне спокойной ночи и вернулся в свою будку.

* * *

В начале моего пути домой было видно много домов, сначала обычных размеров, но по мере продвижения становившихся всё больше и шикарнее. В некоторых горели огни, на подъездных дорожках из ракушек стояли машины, но в большинстве домов было темно. Их владельцы возвращались после Рождества и уезжали перед Пасхой. Конечно, в зависимости от ситуации с пандемией.

Когда я миновал распашные ворота на северном конце Раттлснейк-Ки, немногочисленные особняки в этой части острова скрылись за рододендронами и пальметто, которые сомкнулись по обеим сторонам дороги. Единственными звуками были стрекотание сверчков, шум волн, разбивавшихся о пляж, пение козодоя и звук моих собственных шагов. К тому времени, как я достиг жёлтой полицейской ленты, закрывавшей подъездную дорожку миссис Белл, уже почти совсем стемнело. Луна поднялась достаточно высоко, чтобы освещать мой путь, но её по-прежнему заслоняла листва, растущая в изобилии в тепличном климате Флориды.

Как только я прошел мимо подъездной дорожки Элли, послышался скрип. Он раздавался в тридцати или сорока футах позади меня. Моя кожа покрылась мурашками. Язык прилип к нёбу. Я остановился, не в силах идти, не говоря уже о том, чтобы бежать (со своими скрипучими бедрами я бы далеко не убежал). Я понял, что происходит. Они ждали меня у своей дорожки. Ждали, пока я пройду, чтобы затем последовать за мной к дому Грега. Что я запомнил больше всего в этот момент — это ощущение в собственных глазах. Казалось, они набухают в глазницах. Я подумал, что они сейчас лопнут, и я ослепну.

Скрип прекратился.

Теперь я слышал другой звук: биение собственного сердца. Как приглушенный барабан. Козодой умолк. Сверчки тоже замолчали. Капля холодного пота медленно стекала с виска по щеке. Я сделал шаг. Он дался с трудом. Затем ещё один. Немного легче. Третий, ещё легче. Я снова начал идти, но как будто на ходулях. Я продвинулся примерно на пятьдесят футов ближе к дому Грега, когда снова раздался скрип. Я остановился, и скрип прекратился. Я снова двинулся вперёд на своих невидимых ходулях, и скрип повторился. Это была коляска. Близнецы толкали ее. Они двигались, когда я двигался, и останавливались, когда

останавливался я. При этом они ухмылялись, я был уверен в этом. Потому что это была убойная шутка над их новым... новым кем? Кем, в сущности, я для них был?

Я боялся, что знаю ответ на этот вопрос. Элли Белл оставила мне свой дом, деньги и инвестиции. Но это было не всё, что она мне оставила. Не так ли?

— Мальчики, — произнес я и не узнал своего голоса. Я смотрел вперёд, не оглядываясь, и мой голос мне не принадлежал. — Мальчики, идите домой. Уже поздно, вам пора спать.

Тишина. Я ждал, когда меня коснутся холодные руки. Или когда увижу десяток змей, извивающихся на освещённой луной дороге. Змеи тоже будут холодными. Пока не укусят. Как только яд будет впрыснут, начнётся жар. Распространяясь к сердцу.

Змей не было. Змеи исчезли. Их можно было увидеть, но они не были бы настоящими.

Я пошел. Коляска последовала за мной. Скрип, скрип и скрип.

Я остановился. Коляска остановилась. Я был уже недалеко от дома Грега, мог видеть большую его часть на фоне неба, но не мог выдохнуть с облегчением. Они могли войти в дом. Они уже входили.

"Посмотри на нас. Посмотри на нас. Посмотри на нас".

"Покатай нас. Покатай нас. Покатай нас".

"Наряди нас. Наряди нас. Наряди нас".

Мысли сводили с ума, как навязчивая мелодия, которая застревает в голове и не уходит. Например, "Дельта Дон". Но я мог остановить их. Я знал, что заставит их исчезнуть хотя бы на время.

Они тоже знали.

"Посмотри на нас. Покатай нас. Наряди нас".

Я не решался обернуться, но кое-что мог сделать. Если хватит духа. Мой телефон лежал в кармане шорт. Я достал его, открыл приложение камеры, переключился на фронтальную камеру и увидел собственное перепуганное лицо, бледное, как у трупа в лунном свете. Я поднял телефон над плечом, чтобы посмотреть, что творится за моей спиной. Я попытался держать руку неподвижно, до этого момента не осознавая, как сильно она дрожит.

Джейкоба и Джозефа не было, и коляски тоже... но их тени были там. Два человеческих силуэта и угловатая фигура двухместной коляски, в которой их возила мать. Не могу сказать, что эти бесплотные тени были хуже, чем если бы я их увидел в действительности, но они были достаточно страшны. Большим пальцем я нажал кнопку, чтобы сделать снимок, уверенный, что ничего не получится, но услышал щелчок.

"Посмотри на нас. Покатай нас. Повози нас".

Я закрыл приложение и включил диктофон.

"Посмотри на нас, покатай нас, повози нас".

Я подумал, что эти тени были слишком длинными, чтобы принадлежать четырёхлетним детям, но снова вспомнил Донну в конце её жизни: "Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!"

"ПОСМОТРИ НА НАС ПОКАТАЙ НАС ПОВОЗИ НАС!"

Я снова пошёл. Скрип следовал за мной, сначала близко, затем потихоньку отставая. К тому времени, как я добрался до дома Грега, он совсем исчез, но навязчивые мысли — не голоса, а мысли — звучали в моей голове громче, чем когда-либо. Это были мои мысли, но они были привнесены извне.

Коляска вернулась во двор. Конечно, вернулась и отбрасывала ту же угловатую тень, которую я видел на телефоне. Футболки аккуратно висели на спинках сидений: на одной было написано ХЕКЛ, на другой — ДЖЕКЛ. Я знал, как успокоить бурю в своей голове. Я коснулся спинок сидений. Коснулся футболок. Навязчивые, повторяющиеся мысли утихли. Я закатил коляску обратно в гараж, затем отошёл и стал ждать. Мысли не возвращались. Но, конечно, они вернутся. В следующий раз они будут громче и настойчивее. В следующий раз они захотят большего, чем просто мое прикосновение.

В следующий раз они захотят проехаться в коляске.

* * *

Я запер все двери — как будто от этого был толк — и включил свет во всем доме. Затем сел за кухонный стол и посмотрел на телефон. Там был пропущенный звонок от Натана Резерфорда, но у меня имелись дела поважнее, чем адвокат Элли Белл. Я посмотрел на фотографию, которую сделал. Изображение было немного размытым, потому что моя рука не переставала дрожать, но тени мальчиков и коляски были видны. Ничто не отбрасывало их. Дорога была пуста. Затем я открыл приложение "Диктофон" и нажал кнопку "Воспроизведение". В течение двадцати секунд я слышал ритмичное поскрипывание колеса коляски. Затем оно стихло.

Я подумал о том, чтобы связаться с Энди Пелли, потому что был уверен, что он зафиксировал в своей голове изменившееся положение коляски после нашего разговора. Он дал мне свою визитку. Я мог бы отправить ему по электронной почте фотографию и голосовую запись, но он всё отвергнет. Скажет, что это тени от пальметто. Может, ему виднее, но именно так он и скажет. А скрипящее колесо? Я сам это сделал, катая коляску вперед и назад в гараже, пока записывал. Возможно, он так не скажет, но подумает. Он был полицейским, а не охотником за привидениями.

Но, может быть, это и к лучшему. У меня было эмпирическое доказательство. Я уже знал, что всё это происходит на самом деле, но мысль, что мне это привиделось, всё равно оставалась на заднем плане.

Я сидел за кухонным столом, прижав ладони ко лбу, и размышлял. "Сердечко немного шалит", — сказала Элли, когда я спросил, всё ли с ней в порядке. Но что, если проблема с сердцем была гораздо серьезнее, чем она говорила? И она знала это. Что, если это была не просто аритмия, а застойная сердечная недостаточность? Даже рак, один из тех, которые, как глиобластома, являются смертельным приговором.

Предположим, она смирилась со своей собственной смертью, но не со смертью своих мальчиков. Ведь они уже умерли однажды, но вернулись. Или она их вернула. А потом...

— Предположим, она встретила меня, — сказал я.

Да, предположим.

Я позвонил Натану Резерфорду, представился и сразу перешел к делу: меня не интересует наследство Элли Белл.

Его смешок был скорее циничным, чем удивленным.

— Тем не менее, мистер Трентон, оно, похоже, принадлежит вам.

— Дурдом. Найдите её родственников.

— Она утверждала, что у неё их нет. Что после смерти мужа и маленьких Джеев — так она их называла — она осталась последней веточкой на семейном древе. Это единственная причина, по которой это жалкое подобие завещания может не развалиться. Её имущество стоит немалых денег. Семизначная сумма, возможно, даже восьмизначная. Должно быть, вы взяли в плен ее сердце, сэр.

"Нет", — подумал я, — "это меня взяли в плен. Но я намерен это изменить".

— Это ставит меня в паршивое положение, мистер Резерфорд. Я нашел её, и пока не проведут вскрытие, я прохожу как человек с мотивом для её убийства. Вы ведь это понимаете?

— Были ли у вас основания полагать, что вы в очереди на наследство? Может, вы видели этот клочок завещания до смерти миссис Белл?

— Нет, но помощник шерифа Пелли сказал, что конверт, в котором оно находилось, был не запечатан. Окружной прокурор, который захочет завести дело, может сказать, что у меня был доступ к нему.

— Время всё расставит по своим местам, — сказал Резерфорд. Слова ради слов. У него был успокаивающий голос, которым он, вероятно, с успехом пользовался при работе с обеспокоенными клиентами. По крайней мере, с теми, у кого были деньги, а у меня, похоже, теперь их было гораздо больше, чем на моем пенсионном счете. — Если завещание не будет оспорено и пройдет через суд, вы сможете распорядиться полученными средствами по своему усмотрению. Продайте дом. Пожертвуйте деньги достойным благотворительным организациям, если решите так поступить.

Он не стал добавлять, что благотворительность начинается дома[144], но его тон это подразумевал. С меня было достаточно. Он хотел обсудить извилистый юридический путь, который нам предстоял, но мне хватало собственных извивающихся змей. На улице было темно, и мне становилось страшно. Я поблагодарил его и закончил разговор.

А может, она составила завещание, а потом покончила с собой, приняв смертельную дозу дигоксина или соталола?

---

[144] Аналог нашей пословицы "Своя рубашка ближе к телу"

"Нет", — подумал я. — "Маленьким Джеям это бы не понравилось. Я мог бы загреметь в окружную тюрьму, где "посмотри на нас, покатай нас, наряди нас" будут бессмысленны. Вердикт по итогам следствия будет "несчастный случай", и пока я буду здесь... они тоже будут здесь".

— Потому что они хотят, чтобы я остался, — прошептал я.

* * *

Я принял душ, надел спортивные шорты, закрыл дверь в ванную комнату и лег на большую двуспальную кровать Грега Акермана. Будучи гуляющим холостяком, он, вероятно, делил её со множеством пассий. Моя пассия ушла. В землю. Как и мой сын.

Я скрестил руки на груди в бессознательном жесте защиты и уставился в потолок. Это была не она, это были они. Они хотели, чтобы я остался. Они хотели, чтобы я служил им. Хотели, чтобы я заменил им мать, чтобы им не пришлось отправляться туда, куда уходят беспокойные ревенанты[145]. Им нравилось здесь, на острове Раттлснейк-Ки. Где — если я не хотел, чтобы в мою голову лезли бесконечные и повторяющиеся мысли, если я не хотел слышать скрип колес детской коляски у себя за спиной — я бы жил в доме Элли. Ел бы на кухне Элли, спал бы в её кровати. Катал бы их в коляске.

Рано или поздно я бы увидел их.

"Мне не обязательно оставаться здесь", — подумал я. — "У меня есть арендованная машина с полным баком бензина. Я могу уехать. Подальше от них. Не думаю, что шериф округа выдаст ордер на мой арест, хотя какой-нибудь судья может выписать ордер, предписывающий мне вернуться на время расследования... Резерфорд бы узнал, и, думаю, он теперь мой адвокат... но я бы боролся. И пока адвокаты сражались бы, Джейк и Джо становились бы слабее. Потому что её больше нет, а я — всё, что у них осталось".

Да. Всё это правда. И я был напуган, можете поверить. В фильме Скорсезе "Злые улицы" звучит фраза, которая всегда находила во мне отклик: "С бесконечностью лучше не шути"[146]. Но я также был зол. Меня загнали в ловушку, из которой я не должен был выбраться. Не их матерью — в глубине души я был уверен, что Элли Белл не была в этом замешана, — а парой детей. Точнее, парой мёртвых детей.

У меня не было секретного оружия для борьбы с ними: ни креста, ни чеснока для отпугивания вампиров (если я был прав, то именно ими они и являлись), ни обряда экзорцизма, но у меня был разум, и я был, чёрт возьми, слишком стар, чтобы молокососы "Крутой" и "Ещё Круче" помыкали мной.

Если не Элли построила ловушку, в которой я оказался, то как они могли это сделать? Большинство маленьких мальчиков — у меня был один, не забывайте — с трудом могут спланировать поход в туалет.

---

[145] Ревенант — разновидность разумной нежити: ходячий мертвец, сохраняющий душу и прижизненные черты личности

[146] "Злые улицы" — драма режиссёра Мартина Скорсезе 1973 года; Кинг использовал эту фразу также в качестве эпиграфа к одной из глав романа "Оно"

Я провалился в сон, думая о Донне, кричавшей за несколько минут до своего конца: "Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!"

* * *

Скрип. Скрип. Скрип.

На этот раз я проснулся не в темноте, потому что не выключал свет. На этот раз скрип колеса коляски доносился не из ванной комнаты; он был где-то дальше. Мне показалось, что он был в той части дома, которую Грег с помпой называл "гостевой опочивальней". Эта опочивальня состояла из небольшой гостиной на первом этаже и винтовой лестницы, ведущей в спальню и пристроенную ванную комнату на третьем этаже.

Коляска стояла в гостевой спальне. Настоящая коляска, возможно, была всё ещё в гараже, но фантомная была столь же реальна, как и близнецы, катающие её туда-сюда с маниакальной настойчивостью.

Нехорошие мысли снова вернулись. Сначала они были тихими, но потом становились всё громче и пронзительнее, словно невидимая рука увеличивала громкость. "Посмотри на нас, покатай нас, наряди нас. Посмотри на нас, покатай нас, наряди нас! ПОСМОТРИ НА НАС, ПОКАТАЙ НАС, НАРЯДИ НАС!"

Я лежал на спине, сцепив руки на груди, закусив губу и пытаясь остановить мысли — их мысли, мои мысли. С таким же успехом я мог бы запретить закат. Другие мысли всё ещё проникали в голову — но как долго это продлится, я не знал, — и казалось, что у меня есть только три варианта действий: 1) лежать здесь и сходить с ума, пока эти назойливые мысли пожирают мой мозг; 2) спуститься и прикоснуться к коляске в гараже, что временно их успокоит; 3) противостоять близнецам. Я решил выбрать последнее.

Я подумал: "Эти детишки не смогут свести меня с ума".

И в то же время в моих мыслях было: "Покатай нас, покатай нас, повози нас, повози нас. Мы — твои, а ты принадлежишь нам".

Я встал с кровати и направился по галерее в гостевую опочивальню. На полпути скрип колеса прекратился. Я не остановился, и мысли ("покатай нас, повози нас, наряди нас, мы — твои, а ты — наш") тоже не угомонились. Я не колебался у двери, которая была приоткрыта. Если бы я остановился, чтобы подумать той частью своего разума, которая еще была способна к самостоятельному мышлению, я бы обратился в бегство. Что я собирался там делать? Понятия не имел. Велеть им идти домой, или я их выпорю? Точно не получится.

От увиденного я замер на месте. Коляска стояла посреди комнаты. Джейкоб и Джозеф лежали на гостевой кровати. Они уже не были детьми... но в то же время оставались ими. Тела под одеялом были длинными, как у взрослых мужчин, но головы, хотя и гротескно раздутые, принадлежали детям. Яд гремучих змей так раздул эти головы, что они превратились в тыквы с хэллоуинскими лицами. Их губы были чёрными. Их лбы, щеки и шеи были испещрены следами от укусов змей. Глаза были запавшими, но адски живыми и осознанными. Они ухмылялись, глядя на меня.

"Сказку на ночь! Сказку на ночь! Сказ... "

А потом они исчезли. Исчезла и коляска. В один момент близнецы были здесь, ожидая своей сказки на ночь. В следующий момент комната была пуста. Но одеяло было сбито с обеих сторон в аккуратные треугольники, хотя когда я приехал сюда из Массачусетса, кровать была идеально заправлена. Я видел это сам.

Я снова почувствовал себя, как на ходулях. На них я вошел в комнату и посмотрел на кровать, в которой лежали мальчики. Я не собирался садиться на нее, но сел, потому что отказали колени. Сердце всё ещё гулко стучало, и я слышал собственное тяжелое дыхание.

"Вот так умирают старики", — подумал я. — "Когда меня найдут (скорее всего, это будет Пит Ито), судмедэксперт заключит, что со мной случился сердечный приступ. Они не узнают, что меня до смерти запугали два мертвеца с детскими головами".

Но близнецам не понравилась бы моя смерть, не правда ли? Теперь, когда их матери не стало, я был их единственной связью с миром, в котором они хотели остаться.

Я протянул руку, коснулся одеяла и понял, что им не понравилась эта кровать. У них были свои кроватки в доме дальше по дороге. Хорошие кроватки. Их мать оставила их комнату такой, какой она была в день их смерти, сорок с лишним лет назад. Они любили именно те кроватки, и когда я буду жить там, то буду укладывать их на ночь и читать им "Винни-Пуха", как читал Тэду. Я, конечно, не буду читать им "Слов против монстров", потому что они сами были монстрами.

Когда я смог встать, то медленно побрел по галерее в свою комнату. Возможно, я не засну, но не думаю, что этой ночью услышу снова скрип колес коляски. Визит закончился.

* * *

О том, чтобы сохранить машину, в которой погиб наш сын, не было и речи. Мы бы не оставили её, даже если бы пёс не разбил её в дюжине мест, пытаясь забраться внутрь и разорвать их на куски. Эвакуатор привез её к нашему дому. Донна отказалась даже смотреть на машину. Я её не винил.

В Касл-Роке не было свалки. Ближайшая была у Андретти, в Гейтс-Фолс[147]. Я позвонил им. Они приехали, забрали "Пинто", эту машину смерти, и пропустили её через пресс. Машина превратилась в куб, пронизанный яркими швами стекла: окна, задние фонари, фары, лобовое стекло. Я сделал фотографию. Донна не стала на него смотреть.

Между нами начались споры. Она хотела, чтобы я совершал с ней еженедельные паломничества на Хармони-Хилл, где был похоронен Тэд. Я отказался от этого, как она отказалась смотреть на раздавленный куб машины смерти. Я сказал, что для меня Тэд всегда будет дома. Она сказала, что это звучит пафосно и высокопарно, но это не было правдой. Она сказала, что я боюсь идти. Боюсь, что сломаюсь, и в этом она была права. Думаю, она читала это на моём лице каждый день.

Именно она ушла от меня. Я вернулся из командировки в Бостон, а её уже не было. Осталась лишь записка. Там были обычные слова, о которых легко было догадаться: "не могу так больше... начинаю новую жизнь... нужно перевернуть страницу"... бла-бла-бла. Единственным

[147] Касл-Рок и Гейтс-Фолс — вымышленные города штата Мэн в произведениях Стивена Кинга

оригинальным было то, что она нацарапала под своим именем, возможно, как запоздалую мысль: "Я всё ещё люблю тебя и ненавижу и ухожу прежде, чем ненависть возьмёт верх".

Наверное, не стоит говорить, что я чувствовал по отношению к ней то же самое.

* * *

На следующее утро, когда я ел сухой завтрак "Райс Чекс", не получая от него удовольствия, а просто заряжаясь энергией на день, мне позвонил помощник шерифа Зейн. Он сообщил, что вскрытие закончено. Алита Белл, жена Генри, мать Джейкоба и Джозефа, умерла от сердечного приступа.

— Судмедэксперт поразился, что она прожила так долго. У нее было девяносто процентов закупорки, но это еще не всё. Были обнаружены рубцы на сердце, а это значит, что она перенесла несколько инфарктов. Микроинфарктов. Он также сказал... хотя неважно.

— Нет, продолжайте. Пожалуйста.

Зейн прочистил горло.

— Он сказал, что микроинфаркты, которых можно даже не почувствовать, ухудшают когнитивные способности. Теперь понятно, почему она верила, что ее дети ещё живы.

Я подумал, а не сказать ли ему, что знаю, что ее дети живы или наполовину живы, хотя при этом у меня никогда не было сердечных приступов. Я едва не произнёс это.

— Мистер Трентон? Вик?

— Просто перевариваю всё это, — сказал я. — Это освобождает меня от участия в расследовании?

— Нет, вы всё равно должны оставаться здесь. Вы нашли тело.

— Но если это был просто сердечный приступ...

— Так оно и было. Но токсикологический отчет будет готов только через пару дней. Нужно выяснить, что было у нее в желудке. Просто доведем дело до конца.

Я подумал, что здесь скрывается нечто большее. Скорее всего, Энди Пелли хочет убедиться, что внезапно образовавшийся наследник Элли Белл не подсыпал ей что-нибудь. Например, дигоксин в яичницу на ранний завтрак. Между тем Зейн продолжал говорить, и мне пришлось попросить его повторить.

— Я говорил, что есть одна проблема. Довольно уникальная. У нас есть тело, но нет указаний по его захоронению. Энди Пелли говорит, что это может лечь на ваши плечи.

— Постойте, что? Я должен организовать похороны?

— Наверное, не похороны, — сказал Зейн, немного смутившись. — Кроме работников моста и, может, Ллойда Сандерленда[148] — он живет по ту сторону моста, — я не знаю, кто еще придет.

"Ее дети пришли бы", — подумал я. — "Хотя их никто не увидит. Кроме их суррогатного отца".

— Вик? Мистер Трентон? Вы пропали?

— Здесь я. У меня есть имя её адвоката. Наверное, теперь это мой адвокат, по крайней мере, пока всё не уладится. Лучше позвоню ему, как только начнётся рабочий день.

— Отличная идея. Так и сделайте. И хорошего вам дня.

Можно подумать.

Я уже не хотел доедать свои хлопья, которых и так не ощущал на вкус. Я ополоснул миску в раковине ("посмотри на нас"), поставил её в посудомоечную машину ("наряди нас") и задумался, что делать дальше. Как будто не знал.

"Выведи нас на прогулку. Покатай нас!"

* * *

Я старался отогнать мысли (частично свои собственные, что было самым худшим), пока не оделся, а затем прекратил борьбу и сдался. Я зашел в гараж и взялся за ручки коляски. Раздался вздох облегчения, то ли мой, то ли их, то ли всех вместе — я не знал. Беспорядочный поток мыслей в моей голове прекратился. Я подумал о том, чтобы покатить коляску к распашным воротам, и понял, что это неудачная идея. Джейкоб и Джозеф уже пробрались в мое сознание. Чем больше я буду делать то, что они хотят, тем легче им будет управлять мной.

Увиденное мной в гостевой спальне крепко впечаталось в мою память: взрослые тела, детские головы, распухшие от яда. Они выросли в мертвом состоянии и остались прежними. У них была воля мужчин и простые, эгоистичные желания малышей. Они были могущественны, и это было плохо. Но они также были психически неустойчивы.

Принимая это, я в некоторой степени им посочувствовал. Они попали к гремучим змеям. Их зажалили до смерти. Кто бы не сошел с ума от такого окончания жизни? И кто бы не захотел вернуться и обрести детство, которого их лишили, даже если для этого придется взять кого-то в плен?

Я несколько раз покатал коляску взад-вперед по бетонному полу гаража, словно пытаясь убаюкать капризных, раздраженных младенцев. Я задумался, могло ли это случиться с кем-то другим, и решил, что нет. Я был идеальным выбором. Одинокий мужчина, скорбящий и страдающий от собственного горя.

Я отпустил ручки и ждал, когда же вернется "покатай нас, наряди нас". Но оно не вернулось. Я вышел из гаража, желая ощутить тепло утреннего солнца на своем лице. Поднял голову и закрыл глаза, видя сквозь веки кроваво-красный свет. Я стоял так, словно поклоняясь или медитируя, надеясь найти решение проблемы, выходящей за рамки экзистенциальной. Проблемы, о которой я не мог никому рассказать.

---

[148] Главный герой рассказа С.Кинга "Лори"

Я должен проводить ее в последний путь, потому что у нее никого нет... по крайней мере, по эту сторону завесы. Но разве я не похож на нее? Мои родители на том свете, старший брат умер, жена в могиле. Кто похоронит меня? И что будут делать эти близнецы из ада — если они добьются своего, и я останусь здесь, мужская версия "Дельты Дон", — когда умру я? Учитывая мой возраст и статистику, ждать этого не так уж долго. Может, они увянут и просто исчезнут? Я могу похоронить Элли, но кто похоронит меня?

Я открыл глаза и увидел палку от змей, лежавшую на брусчатке двора, прямо на том месте, где каждый раз припарковывалась коляска, когда возвращалась. Мне пришло в голову, что это может быть еще одной иллюзией, как в случае с ванной, полной змей, но понял, что это не так. Это не было видением или результатом визита. Не близнецы ее сюда положили. Их собственностью была коляска.

Я поднял палку. Безусловно, она была реальной. Я почувствовал тепло ее стали в своей руке. Если бы она пролежала подольше на брусчатке под солнцем, то стала бы нестерпимо горячей. Здесь никого не было, так кто же взял ее из гаража?

Держа палку в руках, я вспомнил, что мои родители, брат и жена были не единственной утратой в моей жизни. Была еще одна. Тот, кто тоже умер ужасной смертью в юном возрасте.

— Тэд?

Это должно было прозвучать в лучшем случае жалко, в худшем — безумно: старик, произносящий имя своего давно умершего сына в пустом дворе абсурдно большого дома на одном из островов Флориды. Но это не прозвучало безумно, поэтому я повторил.

— Тэд, ты здесь?

Ничего в ответ. Только палка от змей, которая, несомненно, была реальной.

— Ты можешь мне помочь?

* * *

У конца дощатого тротуара Грега стояла ветхая, полуразвалившаяся беседка. Я отправился туда с палкой от змей через плечо, как раньше солдаты носили свои винтовки... и хотя на палке не было штыка, на ее конце имелся угрожающего вида крюк. На полу беседки валялось несколько покрытых плесенью спасательных жилетов, которые вряд ли кому-нибудь могли бы спасти жизнь, и допотопная доска для буги-серфинга, украшенная россыпью экскрементов енотов. Я сел на скамейку. Она скрипнула под моим весом. Не нужно было быть Эркюлем Пуаро, чтобы понять, что Грег не проводил здесь много времени; у него был дом на побережье Мексиканского залива стоимостью в шесть или восемь миллионов долларов, а этот форпост выглядел, как забытая уборная где-то в глуши прихода Божер, штат Луизиана. Но я пришел сюда не для того, чтобы заценить архитектуру. Я пришел сюда подумать.

О, да кому я вру. Я пришел сюда, чтобы попытаться вызвать своего мертвого сына.

Существовали различные методы вызова духов, при условии, что мертвые еще не ушли туда, куда они уходят, когда теряют интерес к нашему миру; я изучил несколько из них в Интернете перед приходом сюда. Можно использовать спиритическую доску "Уиджа", которой у меня не

было. Можно использовать зеркало или свечи, и то, и другое у меня было... но после того, что я увидел на экране своего телефона прошлой ночью, я не осмелился попробовать. В доме Грега поселились духи, но те, в которых я был уверен, не были дружелюбными. Так что в итоге я пришел в эту заброшенную беседку с пустыми руками. Я сидел и смотрел на пляж, на котором не было ни единого следа, и на залив, по которому не ходило ни одной парусной лодки. В феврале или марте и пляж, и залив будут переполнены. В августе здесь был только я.

Пока я не почувствовал его.

Или кого-то.

Или просто выдавал желаемое за действительное.

— Тэд?

Нет ответа.

— Если ты здесь, малыш, мне не помешала бы твоя помощь.

Но он больше не был малышом. Прошло четыре десятилетия с тех пор, как Тэд Трентон погиб в раскаленной машине, потому что бешеный сенбернар не давал из нее выбраться, патрулируя двор фермерского дома, такого же пустынного, как северная часть острова Раттлснейк-Ки. Мертвые тоже стареют. Я никогда не задумывался о такой возможности, но теперь знал это.

Но только если они сами того хотят. Если позволят себе. Оказывается, можно одновременно и расти, и не расти — парадокс, породивший жутких гибридов, которых я видел на двуспальной кровати в гостевой комнате: взрослых существ с раздутыми головами отравленных ядом детей.

— Ты ничего мне не должен. Я пришел слишком поздно. Я знаю это. Признаю. Только... — Я остановился. Можно подумать, что человек может сказать всё что угодно, когда находится один, не так ли? Только я не был уверен, что действительно один. И не был уверен, что хотел сказать, пока не произнес это.

— Я оплакивал тебя, Тэд, но отпустил. Со временем и Донна отпустила. В этом ведь нет ничего плохого? Забыть — вот, что было бы плохо. А держаться слишком крепко... думаю, это порождает монстров.

Палка от змей лежала у меня на коленях.

— Если ты оставил ее для меня, мне на самом деле не помешала бы помощь.

Я ждал. Не было ничего. И в то же время что-то было, то ли чье-то присутствие, то ли надежда старика, которого до смерти напугали и заставили вспомнить старые боли и обиды. Каждую старую змею, когда-либо кусавшую его.

Затем мысли вернулись, прогоняя всё, что могло бы прийти ко мне.

"Наряди нас, покатай нас, посмотри на нас. Посмотри на нас, наряди нас, покатай нас!"

Я был нужен детишкам. Детишкам, которые хотели стать моими детьми. И они также были моими мыслями, вот в чем заключался ужас. Когда твой собственный разум обращен против самого тебя — это прямая дорога к безумию.

Прервал их — по крайней мере, частично — гудок машины. Я повернулся и увидел, что кто-то машет мне рукой. Виднелся всего лишь силуэт на краю двора, но по очертаниям тонких ног под мешковатыми шортами я понял, кто прибыл составить мне компанию. Я помахал в ответ, прислонил палку от змей к перилам беседки и направился обратно по дощатому настилу. Энди Пелли встретил меня на полпути.

— Доброе утро, мистер Трентон.

— Вик, помните?

— Вик, Вик, точно. Я был в этих краях и решил заглянуть.

"Чушь собачья", — подумал я. И снова эти навязчивые мысли, — "покатай нас, наряди нас, посмотри на нас, мы ждем тебя".

— Что я могу для вас сделать?

— Я подумал, что стоит рассказать вам о результатах вскрытия.

— Офицер Зейн уже звонил и рассказал мне.

Из-за маски и его кустистых усов я не мог определить, понравилось ли ему это, но судя по тому, как сошлись вместе его густые брови, думаю, что не понравилось.

— Ну, хорошо. Хорошо.

"Не трынди, не считаешь ты, что это хорошо", — подумал я, а затем снова мысли, — "покатай нас, покатай нас, тебе станет легче, ты знаешь, что станет".

Мы пошли обратно к дому. Дощатый тротуар был слишком узок, чтобы мы могли идти бок о бок, поэтому я шел впереди. От мыслей — моих мыслей, которые я не мог прогнать, — у меня разболелась голова.

— Конечно, всё ещё ждем результатов токсикологического анализа.

Мы дошли до конца дощатого настила и пересекли двор мимо его пикапа, я по-прежнему шел впереди. Он пришел сюда не просто рассказать мне о результатах вскрытия. Я знал это и понимал, что мне нужен ясный ум, чтобы противостоять Пелли.

— То же самое сказал офицер Зейн. А еще, что мне всё равно придется дать показания. У вас есть что-то ко мне, помощник шерифа? Потому что я сидел там, размышлял и пытался обрести покой. Можно сказать, медитировал.

— Вы вернетесь к своей медитации. Всего несколько вопросов, и я уйду.

Мы зашли в гараж, где было немного прохладнее. Я подошел к коляске. По мере моего приближения к ней мысли всё усиливались: "НАРЯДИ НАС! ПОКАТАЙ НАС! ПОСМОТРИ НА НАС!"

На мгновение мне показалось, что я вижу их, но не как чудовищ, а как детей, которыми они были, когда погибли. Всего лишь на мгновение. Когда я схватился за одну из ручек коляски, они

исчезли... если вообще были там. И сводящая с ума литания в моей голове прекратилась. Я начал катать коляску взад и вперед.

"Просто нужно чем-то занять свои руки, Энди. Не придавай этому значения".

— Я немного изучил вашу биографию, — сказал Энди.

— Я знаю.

— Ужасно то, что случилось с вашим маленьким мальчиком. Просто ужасно.

— Это было очень давно. Энди, вы ведете это дело? Если, конечно, есть дело. Вас на него назначили? Потому что я как-то сомневаюсь в этом.

— Нет, нет, — сказал он, подняв руки в жесте, означающем "да упаси Бог". — Но вы же знаете, как это происходит — бывших полицейских не бывает. Можно уйти из полиции, но полицию из человека не выгонишь. Наверное, в вашей работе то же самое. Вы вроде занимались рекламным бизнесом, да?

— Вы прекрасно знаете, чем я занимался, и ответ на вопрос про бывших — нет. В редких случаях, когда я смотрю сетевое телевидение вместо стриминга, я выключаю звук на рекламе. Вам ведь совсем нечем заняться, я прав?

— Ну, я не стал бы так говорить. Просто... понимаете, мне любопытно. Это забавное дело. В смысле, странное и необычное, а не смешное. Вы же понимаете.

Коляска ходила туда-сюда: несколько футов вперед, несколько футов назад. Успокаивая детей, укачивая их.

— Почему она оставила всё вам? Вот что меня поражает и не дает покоя. И я уверен, вы знаете причину.

Он был прав. Я знал.

— Я не знаю.

— И почему вы всё время прикатываете эту коляску из её дома? Ведь это вы? В это время года здесь больше никого нет.

— Это не я.

Он вздохнул.

— Поговорите со мной, Вик. Почему бы и нет? Если токсикологический анализ окажется отрицательным, вам всё сойдет с рук.

Вон оно что. Он уверен, что я убил её.

— Помогите старому дурню. Мы тут только вдвоём.

Мне не нравился этот двойник Уилфорда Бримли, который прервал меня в тот момент, когда я пытался сделать что-то важное. Возможно, это всё равно не сработало бы, но это не улучшало моего отношения к нему, поэтому я сделал вид, что обдумываю его просьбу. Затем я сказал:

— Покажите мне свой телефон.

Даже его пышные усы не смогли скрыть улыбку на его лице. Я не мог точно определить природу этой улыбки, но готов был поспорить, что она была из разряда "ты меня поймал, приятель". Из-под мешковатых шорт показался телефон, и да, он записывал.

— Наверное, случайно нажал.

— Не сомневаюсь. А теперь выключите запись.

Он сделал это без возражений.

— Теперь мы действительно только вдвоём. Удовлетворите моё любопытство.

— Хорошо. — Я сделал драматическую паузу — какая обычно срабатывала с клиентами перед тем, как представить рекламную кампанию, ради которой они пришли, — и затем выдал две лжи, за которыми последовала чистая правда.

— Я не знаю, почему кто-то всё время привозит мне её коляску. Это первое. Я не знаю, почему она оставила это безумное завещание. Это второе. И вот третье, помощник шерифа Пелли: я не убивал её. Следствие убедительно доказывает, что она умерла естественной смертью. Токсикологический отчёт доведёт это до конца.

Я надеялся, что так и будет. Надеялся, что близнецы-призраки каким-то образом не проникли в её голову и не заставили проглотить кучу лекарств от сердца, чтобы перебраться в более здорового хозяина-носителя. Можно было бы подумать, что токсикологический отчёт, показывающий, что она проглотила слишком много таблеток, противоречил бы их интересам, и вы были бы правы... но они в конце концов были всего лишь детьми.

— Теперь, думаю, вам следует уйти. — Я прекратил катать коляску. — И заберите эту штуку с собой.

— Мне она не нужна, — сказал он и, казалось, сам удивился ярости в собственном голосе. Он знал, что с ней что-то не так, о да. Он направился к выходу из гаража, а затем оглянулся. — Я ещё не закончил с тобой.

— О, ради Бога, Энди, займитесь чем-нибудь другим. Поезжайте на рыбалку. Наслаждайтесь выходом на пенсию.

Он вернулся к своему пикапу, сел в него, завёл двигатель и сорвался с места так резко, что оставил резиновый след на брусчатке двора. Я подумал, что, может, стоит вернуться в беседку... по крайней мере, до тех пор, пока снова не начнутся эти навязчивые мысли.

Не совсем навязчивые мысли. Змеи[149]. Змеи в моей голове, две из них, и если я не сделаю то, чего они хотят, они впрыснут свой яд из мешочков, которые никогда не опорожнялись.

В каком-то смысле я не винил Пелли за его подозрения. У адвоката Элли, Резерфорда, наверняка, тоже были свои. Всё было неправильно. Самым неправильным из всего было моё

---

[149] Навязчивые мысли по-английски — earworms, "ушные черви", то есть Кинг при описании переходит от одних животных к другим

нынешнее несчастное положение. Что было неприятно утром, станет ужасным ночью. Ночью они были сильнее. Как там сказал Джим, смотритель моста? "Сумерки, сумерки. В сумерках реальные вещи кажутся тоньше".

Это было правдой. И как только наступит ночь, стена между реальностью и совершенно другой плоскостью существования может полностью исчезнуть. Одно казалось несомненным — все шансы связаться с моим мёртвым сыном были утрачены. Старый коп разрушил заклинание. Лучше просто посидеть немного, глядя на залив. Попытаться выбросить Пелли ("Я ещё не закончил с тобой") из головы. Подумать о том, что делать дальше, пока я ещё в состоянии думать.

Когда я подошёл к беседке, то просто застыл там, глядя внутрь. Похоже, не только Пелли ещё не закончил со мной. Тэд — или кто-то другой — всё-таки вышел на связь. Палка от змей теперь не прислонялась к перилам. Она лежала на полу беседки. Груда старых спасательных жилетов была отодвинута в сторону. На одной из досок были выцарапаны две буквы — острием крюка палки от змей, в этом я не сомневался. Третья буква была начата, но оставлена недописанной.

Я смотрел на эти буквы, и меня осенило. Всё это время решение лежало у меня перед глазами. Джейкоб и Джозеф — Хекл и Джекл, Крутой и Еще Круче — не были так всемогущи, как казались. В конце концов, у них оставалась только одна связь с миром живых после смерти их матери.

Две буквы, нацарапанные на доске, были КО. Третья, начатая и брошенная, была наклонной планкой буквы Л.

Коляска.

* * *

Если всё может закончиться сразу, как только будет сделано, то лучше сделать это быстро[150].

Так считал Макбет, а он был сообразительным малым. Я полагал, что смогу справиться с двумя гибридными гарпиями, если буду действовать быстро. Если не успею и мысли-змеи зароются в мой разум еще глубже, то у меня останется только два варианта: самоубийство или жизнь в качестве их суррогатного отца. В качестве их раба.

Я вернулся к дому и вошел в гараж легкой походкой "посмотри на меня, я живу без забот".

Мысли сразу закрутились. Думаю, мне больше не нужно рассказывать, что это были за мысли. Я взялся за ручки коляски и покатил её взад и вперёд, прислушиваясь к адскому скрипу. Если я не смогу от них избавиться, я смажу это злосчастное колесо. Конечно, смажу. Более того! Я накину разные футболки на спинки кресел! Положу на сиденья разные шорты! Поселясь в доме Беллов (который впоследствии станет домом Трентона), я буду разговаривать с ними. Буду

[150] Неточная строчка из трагедии Уильяма Шекспира "Макбет"; слова Макбета прямо отсылают к сказанному Христом Иуде Искариоту: "что делаешь, делай скорее"

укладывать их спать и читать им на ночь книжки "На кухне ночью"[151], "Сильвестр и магический кристалл"[152], "Кордурой"[153]. Буду показывать им картинки!

— Как дела, мальчики?

"Хорошо, хорошо".

— Хотите покататься?

"Да, да".

— Хорошо, почему бы и не покататься? Мне нужно закончить пару дел. Я сейчас вернусь.

Я зашел в дом и взял телефон с кухонного стола. Проверил график приливов и отливов округа и увидел то, что мне понравилось. Вода убывала и будет на минимуме после 11 утра. Скоро.

На мне всё ещё были спортивные шорты и футболка без рукавов. Я бросил футболку на пол, снял сандалии и поспешил наверх. Надел джинсы и свитер. Нахлобучил кепку "Ред Сокс". У меня не было сапог, но в шкафу на первом этаже я нашел пару галош. Они принадлежали Грегу и были велики для меня, поэтому я снова поднялся наверх и надел ещё три пары носков, чтобы утолстить ноги. Когда я спустился вниз, то уже вспотел, несмотря на кондиционер. На улице, в августовскую жару, я вспотею ещё больше.

Энди Пелли говорил, что они загнали змей на северный конец острова, где те, кто не сгорел, утонули, но он также говорил, что охотники, вероятно, упустили часть змей. Я понятия не имел, смогут ли Джеи вызвать выживших. Возможно, не смогут, а может, их вообще не осталось за сорок лет, но оделся на случай встречи с ними. Я знал точно одно: Флорида — благоприятная среда для рептилий.

Я заглянул под раковину и нашёл пару резиновых кухонных перчаток. Натянул их и вернулся в гараж с наклеенной на лице широкой улыбкой. Уверен, если бы кто-нибудь услышал, как я разговариваю с пустой коляской, то счёл бы меня таким же сумасшедшим, как и Элли Белл. Но здесь был только я. И, конечно же, они.

— А может, лучше прогуляемся пешком? — Стараясь раззадорить их. Стараясь продать идею, как мы говорили. — Такие большие мальчики, как вы, наверняка уже хорошо ходят, да?

"Нет! Покатай нас, покатай нас!"

— Будете хорошо себя вести, если я возьму вас на пляж?

"Да! Покатай нас, покатай нас!"

А затем, пробирая меня до глубины души:

"Покатай нас на пляже, папочка!"

---

[151] "На кухне ночью" — детская книга Мориса Сендака
[152] "Сильвестр и магический кристалл" — книга для детей американского художника-мультипликатора Уильяма Стейга
[153] "Кордурой" — детская книга Дона Фримана про антропоморфного медведя

— Ладно, — сказал я, подумав: "Только один мальчик имел право так меня называть, вы, маленькие засранцы". — Поехали.

Мы пересекли двор под лучами жаркого августовского солнца — скрип, скрип, скрип. В свитере я уже вспотел, как свинья, чувствуя, как пот стекает по бокам к поясу джинсов. Я катил коляску по дощатому настилу, доски скрипели под колёсами. Пока всё было легко. На пляже будет сложнее. Я могу увязнуть. Придется держаться поближе к воде, где песок будет плотным и влажным. Это может сработать. А может, и нет.

Я покатил коляску через беседку. По пути подобрал палку от змей и разместил её горизонтально между широкими ручками коляски.

— Весело, мальчики?

"Да! Да!"

— Уверены, что не хотите выйти и пройтись? — Пожалуйста, нет.

"Катай нас! Катай нас!"

— Ладно, но держитесь. Здесь небольшая кочка.

Я аккуратно спустил коляску по единственной просевшей ступеньке между беседкой и линией пляжной наупаки и морской травы. Затем мы оказались на песке. Склон помогал мне, когда я катил коляску к твердому грунту у кромки воды. Пряжки галош звенели.

— Уиии! — крикнул я. Пот струился по моему лицу, а рот пересох. — Весело, мальчики?

"Да! Катай нас!"

Я уже начал различать их голоса. Это был Джо. Джейк молчал. Мне это не нравилось.

— Джейк? Весело, здоровяк?

"Да-а..."

А ещё мне не понравился оттенок сомнения в его голосе. Было ещё что-то неприятное — они отделялись от меня. Становились сильнее. Больше. Частично из-за коляски, но частично — из-за меня. Я открылся им. Мне пришлось. Выбора не было.

Я повернул на север и покатил коляску. Маленькие птички, которых я называл пищухами, ходили с напыщенным видом перед нами, а затем разлетались. Галоши звенели и плескались. Колеса коляски отбрасывали крошечные радуги в тонкой воде, где залив переходил в сушу. Песок был плотный, но проталкиваться по нему было всё же труднее, чем по доскам дощатого настила. Вскоре мое дыхание стало с трудом вырываться из горла. Я был в хорошей форме, не пил чрезмерно и никогда не курил, но мне было уже за семьдесят.

Джейк: Куда ты нас везёшь?

— О, просто на небольшую прогулку. — Я хотел остановиться и передохнуть, но боялся, что колеса забуксуют, если даже замедлюсь. — Вы хотели покататься, я вас катаю.

Джейк: Я хочу вернуться.

Это было больше, чем сомнение. Это было подозрение. И Джо заразился им от своего брата, как, вероятно, подхватывал простуды от него.

Джо: Я тоже! Я устал! Солнце слишком горячее! Надо было надеть панамки!

— Ещё немного... — начал я, и тут из наупаки и пальметто начали выползать змеи. Большие, десятки, они хлынули на пляж. Я замешкался, но лишь на секунду — еще немного, и коляска бы застряла. Я протолкнул её через змей, и они исчезли. Как те, что были в ванне.

Джейк: Домой! Отвези нас домой! ВЕРНИ НАС ОБРАТНО!

Джо: Мне здесь не нраааавится! (он начал плакать) Мне не нравятся змеюки!

— Мы — охотники за сокровищами. — Я уже задыхался. — Может, даже увидим Кинг-Конга, как в фильме. Как вам это, маленькие шалопаи?

Впереди виднелся треугольник из гор ракушек, где заканчивался остров Раттлснейк-Ки. За ним начинался Дейлайт-Пасс со своим вечным водоворотом. Энди говорил, что этим водоворотом было глубоко вымыто русло Прохода. Я уже не помнил, насколько глубоко, наверное, футов на шестнадцать. Но эти горы ракушек между мной и водой создавали проблему. Коляска точно увязнет в них, а по ним ползала пара змей, которые не были похожи на иллюзии или призраки. Они были слишком реальными. Выжившие после великой охоты на змей? Или новоприбывшие? Не имело значения.

Джейк (не умоляя, а приказывая): Верни нас домой! Отвези нас, или пожалеешь!

"Я уже жалею", — подумал я. Сказать это вслух я не мог; у меня не хватало дыхания. Сердце бешено колотилось. В любую секунду оно могло просто лопнуть, как перекачанный воздушный шарик.

К моему ужасу, близнецы начали появляться на свет божий. Их мужские тела были слишком велики для сидений коляски, но каким-то невообразимым образом они в них всё же умещались. Их распухшие детские головки повернулись в мою сторону, глаза были черными и злобными, красные пятна от укусов змей покрывали их щеки и лбы. Как будто они страдали от апокалиптической формы ветрянки.

Эта пара змей была настоящей, без сомнения. Их тела издавали сухой шелестящий звук, когда их извивающиеся S-образные изгибы спиралью ползли через ракушки. Их хвосты трещали — как сухие кости в тыкве.

Джейк: Укусите его, укусите побольнее!

Джо: Укусите его, остановите его! Пусть он отвезёт нас домой!

Когда змеи, атакуя, ударили меня, это было похоже на попадание дробинок в резиновые галоши. Или, быть может, на удары градинок. Коляска, наконец, застряла, колеса глубоко увязли в ракушках. Находившиеся в ней дети-мужчины скрутились, пристально глядя на меня, но, похоже, не могли выбраться. По крайней мере, пока. Одна из гремучих змей вцепилась в мою правую ногу через галошу, ее голова спиралью поднималась вверх. Поскольку коляска всё

равно застряла — села на мель, так сказать, — я оставил ее и схватил палку от змей. Я обрушил её вниз, надеясь не нанести себе неприятную рану, но понимая, что медлить нельзя. Я зацепил змею крюком и швырнул ее в воду. Другая укусила мою левую галошу. На миг я увидел ее черные глаза, с ненавистью уставившиеся на меня, и подумал, что такие же глаза смотрели на меня из коляски. Затем я опустил крюк и вонзил его в треугольную голову. Когда я поднял палку от змей, то почувствовал, как ее хвост хлестнул по моему плечу, возможно, в поисках хватки. Но не нашел. Я бросил ее. На мгновение она была извивающейся каракулей на фоне неба, а затем оказалась в воде.

Коляска раскачивалась из стороны в сторону, пока существа внутри нее — видимые, но эфемерные — пытались выбраться наружу. Им всё еще это не удавалось. Коляска была их связью с миром и со мной. Я не мог её дальше катить, поэтому бросил палку от змей и перевернул коляску. Я услышал, как они закричали, ударившись о ракушки, а затем они исчезли. То есть я больше не ("посмотри на нас, посмотри на нас") видел их, но они всё ещё были там. Я слышал, как вопил Джейк, а Джо плакал. Плакал навзрыд, как, наверное, ревел, когда понял, что гремучие змеи облепили его и его слишком короткая жизнь подходит к концу. От этих жалобных звуков я сам чуть не заплакал, ведь так же плакал и мой сын, пока они с Донной жарились в том "Пинто", но меня это не остановило. Я должен был закончить начатое.

Задыхаясь, я потащил коляску к Дейлайт-Пасс. К водовороту.

Джейк: Нет! Нет! Ты должен заботиться о нас! Катать нас! Возить нас! Одевать нас! Нет!

Его брат лишь вопил от ужаса.

До кромки воды оставалось двадцать футов, когда вокруг меня вспыхнуло пламя. Оно не было настоящим, не излучало тепла, но я почувствовал запах керосина. Смрад был настолько сильным, что я закашлялся. Кашель перешел в рвотные позывы. Ослепительно белые груды ракушек исчезли, сменившись ковром из горящих змей. Они тоже не были настоящими, но я слышал, как они лопаются от жара, словно попкорн. Они атаковали меня, выбрасывая головы, которых на самом деле не было.

Я достиг воды. Я мог бы просто толкнуть коляску в воду, но этого было бы недостаточно. Возможно, им удастся вытащить эту проклятую вещичку, как они каким-то образом доставляли ее от дома Беллов к дому Грега. Но мне рассказывали, что мужчины и даже женщины — хрупкие женщины — иногда способны поднимать машины, чтобы спасти своих детей. А однажды женщина по имени Донна Трентон сражалась с сенбернаром весом 150 фунтов[154], имея при себе лишь бейсбольную биту... и победила. Если она смогла это сделать, то и я смогу.

Эта коляска не весила 150 фунтов, но, возможно, все 30. Если бы в ней сидели эти существа со своим реальным весом, я бы не смог поднять ее даже до пояса. Но их в ней не было. Я поднял коляску за стойки над задними колесами. Повернул бедра вправо, и спина звучно заскрипела. Я повернулся в другую сторону и швырнул коляску, как самый неудобный в мире диск. Она плюхнулась в воду всего в пяти футах от края ракушечного пляжа. Не так уж и далеко, но течение из Калипсо-Бей было сильным из-за отлива. Коляску, которая наклонялась то в одну сторону, то в другую, затягивало в водоворот. Близнецы снова оказались в ней. Должно быть, там было их место. Я успел еще раз взглянуть на эти ужасные лица, прежде чем их унесло.

[154] около 70 кг

Когда коляска вернулась в водовороте, она уже тонула, а сиденья были под водой. Ее пассажиры исчезли. Одна рубашка уплыла, затем другая. Я услышал последний вопль гнева в своей голове: это был Джейк Белл, сильнейший из двоих. В следующий раз, когда коляска снова появилась, кружась в водной карусели, из воды торчали только ее ручки. А потом она исчезла, оставив лишь водный отблеск в трех-четырех футах под водой.

Пламя тоже исчезло. И горящие змеи. Остался только запах керосина. Ко мне подплыла пара голубых шорт. Я поднял палку от змей, крючком подцепил их и бросил в залив.

Моя спина снова заскрипела. Я наклонился, пытаясь успокоить ее. А когда выпрямился и посмотрел через Дейлайт-Пасс, то увидел гораздо больше, чем несколько скоплений плавающей зелени. Я увидел остров Дюма-Ки. Он выглядел так же реально, как и рука, поднявшаяся из ванны со змеями, или жуткие гибридные твари, лежавшие на кровати в гостевой комнате. Я видел пальмы и розовый дом на сваях. А затем я увидел мужчину. Он был высокого роста, одет в джинсы и простую белую хлопковую рубашку. Он помахал мне рукой.

"Боже мой", — произнесла Донна за мгновения до своей смерти. — "Ты так вырос! Посмотри, какой ты высокий!"

Я помахал ему в ответ. Кажется, он улыбнулся, но не могу сказать точно, потому что к тому времени мои глаза были полны слез, превратившихся в жидкие призмы, которые увеличивали яркость солнца вчетверо. Когда я вытер слезы, Дьюма-Ки исчез, и мужчина тоже.

* * *

На то, чтобы докатить коляску до конца острова, ушло всего десять минут. Ну, может, пятнадцать — у меня не было времени смотреть на часы. Возвращение к беседке и деревянному настилу заняло три четверти часа, потому что всю дорогу мою спину постоянно сводило. Я раздевался на ходу, снимая перчатки, стягивая свитер, скидывая галоши, садясь на песок, чтобы снять джинсы. Делать всё это было не так больно, как идти, но всё равно неприятно. Вставать после того, как я избавился от джинсов, тоже было больно, но я почувствовал себя лучше. И ужасный поток мыслей в моей голове исчез. Я был безумно этому рад, несмотря на боль в спине (которая не проходит и по сей день). Остаток пути я прошел в одних в шортах.

Вернувшись домой, я нашел тайленол в аптечке Грега и принял три таблетки. Они не сняли боль, но хотя бы немного её приглушили. Я проспал четыре часа блаженным сном, и без сновидений. Когда я проснулся, моя спина была такой деревянной, что мне пришлось пошагово делать простейшие вещи: сесть, вылезть из кровати и встать на ноги. Я принял горячий душ, и это немного помогло. Я не смог вытереться полотенцем, поэтому сушился на воздухе.

Спускаясь по лестнице — ступенька за ступенькой, морщась от боли, — я подумывал позвонить Пелли, но мне не хотелось с ним разговаривать. Не больше, чем с мартышкой на Луне, как сказала бы Донна.

Вместо этого я позвонил Зейну. Он спросил, чем может помочь, и я ответил, что звоню, чтобы сообщить о пропаже коляски.

— Может, кто-то из вашего управления — Пелли, например — наконец-то решил приехать и забрать её?

— Хм. Не думаю. Давайте я проверю и перезвоню вам.

Он действительно перезвонил и сообщил, что никто из офиса шерифа округа не забирал коляску.

— Да и не было причин, — сказал он.

— Наверное, тот, кто дважды привозил ее сюда, в конце концов, забрал её себе, — сказал я.

Он согласился. И на этом история с коляской с привидениями закончилась.

Май 2023 года

Всё это случилось почти три года назад. Я вернулся в Ньюберипорт и больше никогда не захочу посетить "Солнечный штат"[155]. Даже приближаться к нему не буду.

Токсикологический анализ Алиты Белл не выявил ничего подозрительного, что сняло с меня обвинения. Натан Резерфорд занялся похоронами Элли. Мы с ним присутствовали на ее похоронах. Так же, как и Зейн, Канаван, старый приятель по имени Ллойд Сандерленд (в сопровождении своей собаки) и с полдюжины операторов разводного моста.

Энди Пелли тоже был там. Он подошел ко мне, когда я ждал своей очереди за стаканчиком пунша "Дикси". От него пахло виски, запах пробивался из-под его усов. Никакая маска не могла приглушить его.

— Я по-прежнему считаю, что ты как-то выкрутился, приятель, — сказал он и направился к выходу не совсем ровной походкой, прежде чем я успел что-либо ответить.

Я давал показания по "Зуму" из дома Грега. Вопросов с подвохом не было. Более того, судмедэксперт даже похвалил меня за то, что я отгонял стервятников от тела покойной до прибытия властей.

Никто не оспаривал клочок завещания Алиты Белл, не объявился ни один родственник. Этот клочок прошел через долгую процедуру утверждения, но к июню 2022 года всё, что принадлежало ей, стало моим. Невероятно, но факт.

Я выставил имущество Беллов на продажу, прекрасно понимая, что никому не нужен будет дом, который был довольно запущен, несмотря на то, что Элли отличалась умением чинить всё на свете. А вот земля, на которой он стоял, - это было другое дело. Она была продана в октябре 2022 года почти за семь миллионов долларов. От бухты до залива, первоклассное местечко. Скоро здесь появится очередной особняк. Остальные активы Элли составили шесть миллионов. После уплаты налогов и других затрат, которые неизбежно возникают при продаже любой

[155] Другое название Флориды

крупной собственности, эти тринадцать миллионов превратились в 4,5 миллиона. Неплохой денежный куш, если не считать прилагающихся к нему жутких близнецов.

Я положил полмиллиона в свой пенсионный фонд — назовем это оплатой за оказанные услуги и за спину, которая, вероятно, будет болеть до самой смерти. Остальное я пожертвовал в "Олл Фейтс Фуд Банк"[156] в Сарасоте, который был очень счастлив — как сказала бы Донна, был на седьмом небе от счастья — принять эти деньги. Еще восемь тысяч долларов пошли адвокату Резерфорду.

Расходы на похороны Элли.

* * *

Я оставался в доме Грега до завершения следствия, пока дело Алиты Белл не было официально закрыто. За это время меня не беспокоили ни видения, ни скрипучие колеса. Конечно, каждое утро, не успев толком проснуться, я первым делом проверял, не появилась ли коляска во дворе или в гараже. Не только горе оставляет шрамы. Ужас тоже оставляет. Особенно сверхъестественный ужас.

Но близнецов больше не было.

Однажды я попросил мистера Ито показать мне то место, где погибли Джейкоб и Джозеф во время их роковой прогулки через подлесок к пляжу. Он согласился, и после некоторых поисков мы его нашли. Более того, мистер Ито сам едва не упал в него. Поскольку яма заросла наупакой и переплетениями нивяника, такими большими, что они выглядели, как мутанты, трудно было определить ее размеры, но она была примерно такой же длины, как роскошная ванна Грега в главной ванной комнате, и почти такой же глубины.

У меня были ключи от дома Беллов, и я зашел туда всего один раз. Мне было любопытно узнать, что же такое — видение, галлюцинация, выбирайте сами — я испытал на ракушечном пляже, когда тащил коляску к воде: пламя, ковер из змей, вонь керосина. Близнецы умерли до великой охоты на змей, так откуда же они могли об этом знать?

Дом был таким, каким его оставила Элли, когда вывела близнецов-призраков на их последнюю прогулку (по крайней мере, с ее участием). В раковине стояла тарелка с ножом и вилкой, положенными крест-накрест. На кухонном столе лежала коробка хлопьев "Уитис", дно которой было выгрызено какими-то мелкими, вечно голодными тварями. Я заставил себя заглянуть в спальню мальчиков. Я подумал, что она сохранит ее такой, какой она была во время короткой жизни Джейка и Джо, и оказался прав. Там стояли две кроватки. Простыни и наволочки были с рисунками динозавров из мультфильмов. У Тэда был точно такой же комплект. Это одновременно и ужаснуло, и каким-то образом утешило меня.

Я закрыл дверь. На ней разноцветными буквами-наклейками было составлено: КОРОЛЕВСТВО БЛИЗНЕЦОВ.

Я не знал, что ищу, но понял, когда нашел. Кабинет Генри Белла тоже сохранился таким, каким был много лет назад. Слева от его пишущей машинки "Ай-би-эм Селектрик" аккуратно лежали

---

[156] Пищевой банк — благотворительная организация, которая занимается сбором пищевых продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся

жёлтые блокноты, справа — папки. С каждой стороны, как пресс-папье, стояли фотографии в рамках: Джо — на стороне блокнотов, Джейк — на стороне папок. На одной из стен висела фотография Элли, на которой она выглядела невероятно молодой и красивой.

На другой стене висели три черно-белые фотографии в рамках, фотографии великой охоты на змей. На одной были запечатлены мужчины, которые разгружали грузовики, надевали ранцевые огнетушители "Смоукчейзер" — в те непросвещенные времена их называли индейскими насосами — и облачались в защитное снаряжение. На другой — люди, выстроившиеся в ряд, прочесывали подлесок, прогоняя змей на север острова. На третьей был изображен треугольник ракушечного пляжа, на котором тысячи змей сгорали, обугливались и погибали в пламени. Я знал, что Джейк и Джо овладели этим домом задолго до того, как овладели моим. Возможно, Элли даже прикатывала их сюда и показывала им фотографии.

"Видите, мальчики? Вот что случилось с плохими змейками, которые вас обидели!"

Я ушел. Я был рад уйти. И больше не возвращался.

* * *

И напоследок ещё кое-что.

Уилл Роджерс[157] как-то сказал, что земля — это единственная вещь, которую не производят, а во Флориде земля — это золото, особенно после пандемии. И хотя новую землю действительно не создают, ее можно восстановить.

В округе заговорили о восстановлении острова Дьюма-Ки.

Консорциум агентов по недвижимости (включая того, с помощью которого я продал дом миссис Белл) нанял компанию по рекультивации, чтобы изучить такую возможность. На совещании, на котором присутствовали окружные комиссары и председательствовал администратор округа, несколько экспертов из "Лэнд Голд, Инк." продемонстрировали лекцию-презентацию в "ПауэрПойнте" с концепцией, представлявшей в наилучшем свете поднявшийся из глубин Дьюма-Ки. Это будет относительно легко и недорого, сказали они, нужно просто снова закрыть Дейлайт-Пасс, что перекроет поток воды. С год дноуглубительных работ — и вот он, готовый остров.

Сейчас, когда я пишу эти строки, идут активные обсуждения. Экологи поднимают адский шум, а я раз в два месяца перечисляю деньги в свежесозданную организацию "Спасите Дейлайт-Пасс", но в конце концов это произойдет, потому что во Флориде (особенно в тех местах, где любят селиться богатеи), деньги побеждают всё. Они закроют проход и в процессе работ обязательно найдут ржавую коляску. Я уверен, что к тому времени ужасные твари, которые в ней обитали, исчезнут.

Практически уверен.

Если нет, надеюсь, я им больше не интересен. Потому что если когда-нибудь ночью я услышу скрип колеса приближающейся коляски, то да поможет мне Бог.

---

[157] Уилл Роджерс — американский ковбой, комик, актёр и журналист

Да поможет мне Бог!

С мыслями о Джоне Д. Макдональде[158]

К содержанию

[158] Джон Данн Макдональд — американский писатель. Стивен Кинг с восторгом отзывался о Макдональде, называя его "завораживающим рассказчиком"

— Он включил газовую плиту, и мы нашли расплавленный кусок зажигалки на том месте, что осталось от кухонного пола, и как вы считаете?

Что я посчитал, так это то, что умный детектив мог бы задуматься: если они нашли остатки "Зиппо" на кухне, то как Элджин мог оказаться на кушетке в столовой? Но, видимо, детектив не блистал умом.

* * *

Я проработал в "Темп-О" до сентября, а затем уволился и уехал в Небраску. Никаких особых причин для Небраски не было, просто туда меня занесло. Я устроился на временную работу на ферму, одну из тех больших агрокомпаний, и управляющий оставил меня после окончания сезона сбора урожая. Сейчас я здесь. Идет снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за этим столом и думаю о галактиках за галактиками. Скоро я закрою этот блокнот, погашу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает меня. Иногда мне снятся вьетнамские джунгли и мужчины, кричащие в огне. Иногда женщины, кричащие в огне. Дети. Они умоляют: "Nahn tu, nahn tu". Это хорошие сны. Поверьте, я говорю правду. Потому что есть и плохие сны. В плохих снах я стою перед красным домом с зеленой дверью. Если я попытаюсь открыть эту дверь, она откроется. Я знаю это и знаю, что однажды войду внутрь и встану на колени у порога гостиной. "Nahn tu", — буду умолять я, — "nahn tu", но когда придет этот последний сон, пощады не будет. Не для меня.

С мыслями о Кормаке Маккарти[231] и Эванджелине Уолтон[232]

К содержанию

От переводчика

Перевод осуществлен бывшим студентом минского иняза (МГЛУ) Ернаром Шамбаевым абсолютно бескорыстно, что называется, из любви к искусству. Я крайне не поддерживаю решение Стивена Кинга отгородиться от русскоязычных читателей, но это его право. В любом случае убежден, что нельзя оставлять его творения без перевода на великий и могучий.

Если вам понравился перевод и вы желаете отблагодарить автора, то вот номер его счета:

4400 4301 4291 3943 YERNAR SHAMBAYEV

Это поддержит его в работе над переводами следующих произведений великого мастера современности. На подходе следующая книга о Холли Гибни “Always Holly” —

---

[231] Кормак Маккарти — американский писатель-романист, прозаик и драматург, сценарист, обладатель Пулитцеровской премии

[232] Эванджелина Уолтон — американская писательница

“Холли навсегда”. Это будет довольно большая книга со множеством героев и множеством сюжетных линий и, возможно, последняя о ней.

Также я принимаю заказы на перевод художественной, технической, программистской, спортивной, шахматной литературы с английского языка на русский. Мой email: yernar@rambler.ru

БОНУС: интервью со Стивеном Кингом (май 2024)

Мэри Луиза Келли: Я хотела бы начать с вопроса о повести "Человек-ответ". Вы начали ее писать, когда вам было 30, а закончили её в 75. Что же произошло?

Стивен Кинг: Ну, я её потерял. Со мной так бывает: я пишу рассказы и не всегда их завершаю. Те, что не дописываются, попадают в ящик, и я про них забываю. А около пяти лет назад мои люди начали собирать все мои завершенные и незавершенные работы и складывать их в архив. Они искали повсюду – в ящиках стола, в корзинах для мусора под столом, во всех местах. Я не очень организованный человек. Мой племянник Джон Леонард нашел эту конкретную вещичку, написанную в отеле "Ю-эн Плаза"[233] в 70-х годах, как мне кажется. И он сказал: "Знаешь, она очень хороша. Тебе действительно стоит её закончить". Я прочитал и сказал: "Кажется, теперь я знаю, как её закончить". И закончил.

Келли: Первые шесть или около того страниц, которые вы написали в отеле, превратились в 50-страничную повесть. Почему вы решили, что стоит вернуться?

Кинг: Ну, мне понравилась концепция: молодой человек едет по дороге и пытается понять, стоит ли ему присоединяться к юридической фирме своих родителей в Бостоне или начать свое собственное дело. И он встречает на обочине человека, который называет себя Человеком-который-знает-всё. И тот говорит: "Я отвечу на три ваших вопроса за 25 долларов, и у вас есть 5 минут, чтобы их задать". И я подумал, что напишу эту историю в трех действиях. Первый акт — когда вопрошающий молод, второй – когда он среднего возраста, и третий – когда стар. Вопрос, который я себе задаю: "Хочешь ли ты знать, что случится в будущем, или нет?"

Келли: Эта история, как и многие другие ваши произведения, – о судьбе, о том, чему суждено случиться, независимо от наших действий, независимо от того, какой выбор мы делаем. Вы верите в это?

Кинг: Мой ответ — я не знаю. Когда я пишу свои произведения, то пишу их, чтобы разобраться, что я думаю на самом деле. Не думаю, что на этот вопрос есть ответ.

Келли: В послесловии к книге вы упоминаете, что возвращение в свои семьдесят с лишним лет к завершению истории, которую вы начали писать ещё в молодости, дало вам, цитирую ваши слова, "крайне странное ощущение зова в каньон времени". Можете объяснить, что это значит?

Кинг: Ну, вы слушаете, вернется ли эхо. Когда я был молод, у меня были юные представления о Человеке-ответе. Но теперь, когда я достиг, скажем так, определенного возраста, я вынужден

[233] отель в Нью-Йорке

писать, опираясь на свой опыт и мысли том, каково это — быть стариком. Так что да, для меня это было, как крик и ожидание, вернется ли эхо спустя столько лет.

Келли: Есть ли такие темы, которых вы избегаете, которых вы сторонитесь, о которых вы задумываетесь и говорите: "Знаете что, это слишком жутко, слишком дико"?

Кинг: У меня был роман под названием "Кладбище домашних животных", который я написал и отложил в стол, потому что подумал: "Никто не захочет это читать. Это слишком ужасно". Я хотел его написать, чтобы посмотреть, что из этого выйдет, но не думал, что буду его публиковать. А потом я оказался в контрактных тисках-обязательствах и должен был выпустить книгу с моей старой компанией, поэтому выпустил её. И обнаружил – одновременно к своему восторгу и ужасу, – что американскую публику невозможно оттолкнуть чем-то очень страшным. Нельзя зайти слишком далеко.

Келли: Насколько я помню, это был огромный бестселлер.

Кинг: Да, это был бестселлер, и по нему сняли фильм. То же самое произошло с "Оно", о клоуне-убийце, охотящемся на детей.

Келли: Который до сих пор преследует меня в кошмарах, должна вам признаться. Сколько книг вы написали на данный момент?

Кинг: Не знаю.

Келли: Правда? В нашем недавнем репортаже о вас мы называли цифры от 50 до 70.

Кинг: Наверное, их около 70, но я не веду подсчетов. Помню, в детстве я думал, что было бы замечательно написать 100 романов за жизнь.

Келли: О Боже. Ну, вы, похоже, по-прежнему получаете от этого огромное удовольствие, так что надеюсь, нас ждёт впереди ещё много ваших романов.

Кинг: Было бы здорово.